
JE SUIS CE QUI A ÉTÉ
CE QUI EST ET CE QUI SERA
ET NUL MORTEL N'A ENCORE LEVÉ
LE VOILE QUI ME COUVRE

„Учительская библіотека“.

Желтый вопросъ

Д. А. Коропчевскаго.

Изданіе [illegible]іи журналовъ
„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ и „ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“.
Москва, Б. Молчановка, д. 24, Д. И. Тихомирова.

Цѣна 15 коп.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К°, Петровка, д. Обидиной.
1901.

Дешевыя изданія „Библіотеки Дѣтскаго Чтенія“.

Москва, Большая Молчановка, д. № 24.

Книжки отъ 1 коп. до 20 коп.

В. А. Гольцевъ. Что такое подати, и на что̀ ихъ собираютъ. Ц. 1 к.
Е. Н. Тихомирова. Сказка о правдѣ и кривдѣ. Ц. 3 к.
Ея же. Сказка о горѣ-злосчастіи. Загадка. Ц. 3 к.
А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ. Княжна Крупеничка. Крошечка Хаврошечка. Ц. 3 к.
Его же. Паукъ Мизгирь. Ц. 3 к.
Его же. Самая большая ложка. Ц. 3 к.
Его же. Авдотья рязаночка. Ц. 3 к.
Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ. Друзья. Ц. 5 к.
Его же. Король Вонифатій и королевичъ Марко-Король Генрикусъ CIV. Ц. 5 коп.
К. Э. Линдеманъ. О червяхъ, опустошающихъ наши поля Ц. 5 к.
А. Н. Овсянниковъ. А. В. Суворовъ. Съ рис. Ц. 5 к.
Е. Н. Красногорская. Другъ несчастныхъ (Ѳ. П. Гаазъ). Ц. 6 к.
М. Поспѣловъ. Дѣдушка посолъ. Ц. 6 к.
В. М. Сысоевъ. Сказки природы. Кн. 1. Силы стихійныя. Съ рис. Ц. 7 к.
В. П. Острогорскій. Илья Муромецъ. Ц. 8 к.
Его же. Изъ народнаго быта. Ц. 10 к.
Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Два разсказа. Ц. 10 к.
А. А. Кизеветтеръ. День царя Алексѣя Михайловича. Съ рис. Ц. 10 к
Д. Л. Мордовцевъ. Погибель Іерусалима. Ц. 10 к.
Н. П. Дружининъ. Обновленіе одно̀го города. Ц. 10 к.
Его же. Сельскій староста. Ц. 10 к.
М. Н. Ремезовъ. Разсказы изъ русской исторіи: I Херсонесъ Ц. 10 к.
Его же. Язычники и христіане на Руси. Ц. 10 к.
Его же. Начало удѣловъ на Руси. Ц. 10 к. Съ рис.
Его же. Нашествіе монголовъ на Русь. Ц. 10 к.
А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ. Сынъ Небесной имперіи. Ц. 10 коп.
В. М. Сысоевъ. Силы стихійныя. Изъ жизни растеній. Кн. П. Съ рис. Ц. 10 к.
Его же. Изъ міра животныхъ. Съ рис. Ц. 10 к.
Е. Н. Тихомирова и Д. И. Тихомировъ. Чѣмъ великъ и славенъ Пушкинъ. Ц. 10 к. 12 изданіе.
В. А. Гольцевъ. Основныя понятія о правовѣдѣніи. Ц. 15 к.
Г. А. Мачтетъ. Васька горнистъ. Ц. 20 к.
Л. Спицына. Зеленый охотникъ Робинъ Гудъ. Ц. 20 к.
А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ. Ловкій башмачникъ. Святочная сказка. Ц. 20 коп.

Цѣны безъ пересылки.

Учительская библіотека.

ЖЕЛТЫЙ ВОПРОСЪ.

(По поводу современныхъ событій въ Китаѣ.)

Д. А. Коропчевскаго.

ИЗДАНІЕ
редакціи журналовъ: „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“.
(Москва, Б. Молчановка, д. 24).

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К°, Петровка, домъ Обидиной.
1900.

Дозволено цензурою. Москва, 4 ноября 1900 г.

„Желтый вопросъ“.

(По поводу современныхъ событій въ Китаѣ.)

I.

Чѣмъ больше мы живемъ, чѣмъ дальше подвигается исторія, тѣмъ важнѣе становятся для насъ событія, происходящія въ странахъ отдаленныхъ, о какихъ намъ и слышать приходится рѣдко. Такъ, съ осени прошлаго года газеты ежедневно приносятъ извѣстія о войнѣ англичанъ съ бурами, голландскими поселенцами въ южной Африкѣ, и мы съ живымъ участіемъ слѣдимъ за этой борьбой, искренно желая успѣха противникамъ англичанъ. Это сочувствіе къ бурамъ исходитъ не только изъ того, что мы видимъ въ нихъ горсть смѣлыхъ людей, отстаивающихъ свою родину и свободу отъ натиска сильнаго врага: оно объясняется и тѣмъ, что буры принадлежатъ къ такимъ же бѣлымъ людямъ, какъ и мы; поэтому они намъ ближе многихъ другихъ народовъ, тѣснимыхъ

англичанами. На самомъ дѣлѣ, война этихъ послѣднихъ съ бурами есть только отдѣльный случай исторіи ихъ колонизаціи, или разселенія въ другихъ частяхъ свѣта, гдѣ они стремятся утвердиться повсюду на морскихъ берегахъ и подчинить своей власти цѣлыя страны, не могущія оказать имъ сильнаго сопротивленія. Они захватили цѣлую часть свѣта, Австралію, покорили Индію, громадную страну съ населеніемъ, въ полтора раза превышающимъ населеніе Россійской имперіи, завладѣли многими островами Тихаго океана, изъ которыхъ двойной островъ Новая Зеландія, по своему пространству, почти равенъ Великобританіи и Ирландіи, и усѣяли побережья океановъ своими гаванями и угольными станціями. Распространяясь, такимъ образомъ, по всему міру, англичане, однако, только шли впереди другихъ европейскихъ народовъ, которые со времени открытія Америки и морского пути въ Индію всѣ болѣе или менѣе стремились къ основанію колоній и къ открытію новыхъ рынковъ для своихъ товаровъ въ другихъ частяхъ свѣта. Въ новѣйшее время выше этихъ цѣлей наживы ставились другія, болѣе человѣчныя и благородныя, а именно—стремленіе просвѣтить свѣтомъ христіанской вѣры и европейской культуры темныя души и грубую жизнь дикарей отдаленныхъ частей міра. Къ сожалѣнію, „просвѣщеніе“ дикарей, о которомъ всегда говорилось, когда

снаряжались экспедиціи въ далекія страны, не всегда происходило мирнымъ путемъ и рѣдко бывало благодѣтельнымъ для дикихъ людей. Исторія колонизаціи Америки, Австраліи, островов Тихаго и Индійскаго океановъ и многихъ странъ Азіи и Африки слишкомъ извѣстна своими жестокостями по отношенію къ туземцамъ, чтобы надо было повторять объ этихъ возмутительныхъ случаяхъ притѣсненія и даже прямого истребленія черныхъ и желтыхъ обитателей отдаленныхъ окраинъ міра.

Но, признавая всю ненужность и грубость этихъ насилій надъ дикарями, мы не должны считать самое движеніе европейцевъ въ другія части свѣта и ихъ распространеніе въ дальнихъ странахъ чѣмъ-то несправедливымъ и нежелательнымъ. Распространеніе европейцевъ по всему міру, какъ выражается нѣмецкій ученый Ратцель, составляетъ самый важный фактъ всемірной исторіи. Чтобы понимать эту исторію, чтобы имѣть правильный взглядъ на современныя событія, мы должны прежде всего отдать себѣ ясный отчетъ въ значеніи и причинахъ постепеннаго захвата земной поверхности бѣлымъ человѣкомъ. Если мы хотимъ слѣдить за жизнью современныхъ государствъ, намъ недостаточно знать лишь о томъ, что̀ дѣлается въ Европѣ. Не считая кратковременной и незначительной греко-турецкой войны третьяго года, миръ въ Европѣ не нарушался со

времени нашей послѣдней войны съ турками, а между тѣмъ почти не проходило ни одного года безъ военныхъ вспышекъ въ другихъ частяхъ свѣта. Достаточно напомнить войны Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ съ Испаніей и Японіи съ Китаемъ. Очевидно, то время, когда достойнымъ вниманія считалось лишь совершающееся въ нашей части свѣта, уже прошло: Европа расширилась и распространилась по всему свѣту, и мы должны слѣдить за всѣмъ, происходящимъ даже въ отдаленныхъ уголкахъ міра. Спокойствіемъ больше всего пользуется сама Европа, а въ другихъ частяхъ свѣта, насколько она ихъ подчинила своей власти, идетъ глухая борьба, отъ времени до времени переходящая въ открытую и кровопролитную. Можно сказать даже, что ходъ современной исторіи яснѣе чувствуется въ этихъ отдаленныхъ областяхъ европейскаго вліянія: такъ, сила Англіи, считавшаяся непоколебимой, значительно потрясена теперь маленькимъ народомъ, численность котораго не превышаетъ населенія Сити, небольшой торговой части одного Лондона.

Хотя англичане своимъ натискомъ на буровъ, завладѣніемъ Египтомъ и пр. возбуждаютъ въ однихъ негодованіе, а въ другихъ зависть, но мы были бы несправедливы, если бы смотрѣли на нихъ, только какъ на представителей грубой силы. Какъ мы уже упоминали, они превосходятъ другіе народы Европы

лишь большей энергіей и самодѣятельностью, начала которыхъ надо искать въ ихъ островномъ положеніи. Это положеніе заставляло ихъ находить въ другихъ частяхъ свѣта мѣстообитанія для избытка своего населенія и въ то же время поощряло ихъ къ усиленному развитію военнаго и торговаго флота. Все это даетъ имъ преимущество передъ другими народами, стремящимися къ основанію колоній въ различныхъ частяхъ свѣта, и англичане успѣли завладѣть обширными землями, отчасти вытѣсняя оттуда, отчасти не пуская туда другихъ европейскихъ націй. Во многихъ мѣстахъ передъ ними должны были отступить народы, которые прежде шли по той же дорогѣ,— испанцы и португальцы, голландцы и французы. Но въ настоящее время на этотъ путь выступаетъ новая недавно усилившаяся держава — Германія, представляя собою для Англіи болѣе опаснаго конкурента, чѣмъ названныя государства.

Постепенное распространеніе Европы по всему міру, завладѣніе ею всѣми странами, принадлежащими дикимъ людямъ, не можетъ объясняться только ея алчностью и превосходствомъ находящихся въ ея рукахъ истребительныхъ средствъ. Разселеніе европейцевъ по всѣмъ доступнымъ имъ странамъ и отступленіе и вымираніе туземцевъ этихъ странъ передъ надвигающимися на нихъ бѣлыми людьми имѣютъ въ своей основѣ болѣе глубокую причину,

заключающуюся въ коренномъ различіи между культурнымъ и дикимъ человѣкомъ. Мы говоримъ не о различіи физическомъ или умственномъ (то и другое вовсе не такъ велико, какъ думаютъ обыкновенно), а о различіи всего жизненнаго строя, всѣхъ семейныхъ, общественныхъ и международныхъ отношеній.

Мы видимъ, правда, что цѣлыя племена дикарей вымираютъ и цѣлыя страны, нѣкогда дававшія пріютъ, повидимому, свободнымъ и счастливымъ человѣческимъ существамъ, лишаются своего цвѣтного населенія, но этимъ грустнымъ зрѣлищемъ мы обязаны не одной только истребительной дѣятельности европейцевъ. Мы не должны забывать, что въ Америкѣ, и въ Австраліи, и въ Океаніи, и въ сѣверной Азіи европейцы нигдѣ не встрѣчали густого населенія. Даже въ сравнительно многолюдной Африкѣ путешественникамъ нерѣдко приходилось идти въ теченіе нѣсколькихъ дней по областямъ совершенно безлюднымъ, въ которыхъ только остатки жилищъ человѣка и посаженныя его рукою плодовыя деревья свидѣтельствовали, что мѣстности эти нѣкогда, быть можетъ, очень недавно, были обитаемы. Дикарь имѣетъ многія хорошія стороны, и при разумномъ, человѣколюбивомъ отношеніи къ нему со стороны культурнаго человѣка, можетъ и для него оказаться полезнымъ, но для этого именно нужно вліяніе иного склада понятій, иного жизненнаго строя. Жизнь ди-

карей сама по себѣ, какъ выражается одинъ нѣмецкій географъ, построена на нездоровой основѣ и, помимо внѣшнихъ климатическихъ и другихъ условій, невыгодно дѣйствующихъ на нее, заключаетъ и внутреннюю причину своего разложенія и гибели. Нѣкоторые философы прошлаго и нынѣшняго вѣка, возмущаясь эгоистичными и несправедливыми сторонами нашей культурной жизни, приходили къ выводу о ненужности и даже вредѣ современной культуры и описывали розовыми красками „естественное состояніе“ человѣка, въ которомъ живутъ дикари. Основою для такихъ мнѣній послужили, между прочимъ, талантливыя описанія жизни обитателей острова Таити, принадлежащія знаменитому путешественнику прошлаго столѣтія Георгу Форстеру, отличавшемуся, кромѣ глубокаго знанія и пониманія природы, сильнымъ поэтическимъ воображеніемъ и большою добротою сердца. При видѣ дикарей красиваго типа, со свѣтлой окраской кожи, увѣнчанныхъ свѣжими цвѣтами, заработывавшихъ себѣ пропитаніе крайне легкимъ трудомъ и наполнявшихъ досужее время, котораго у нихъ было много, пѣніемъ и плясками, наслаждавшихся вѣчной весной, царствовавшей на ихъ островѣ, благодушный нѣмецкій ученый вообразилъ, что онъ попалъ въ настоящій земной рай. Но когда ознакомились ближе съ этими дикарями, оказалось, что они ничѣмъ не лучше дру-

гихъ, представлявшихся европейцамъ въ менѣе привлекательномъ видѣ. Идиллія, которую Георгъ Форстеръ изобразилъ на островѣ Таити, въ дѣйствительности нигдѣ не встрѣчается. Дикарямъ свойственны многія качества, возбуждающія наши симпатіи,—добродушіе, безкорыстіе, мужество, честность и т. под., но за этими хорошими сторонами, которыми они, впрочемъ, надѣлены далеко не одинаково, мы не можемъ не замѣчать и другихъ свойствъ, возмущающихъ наши чувства и гибельныхъ для самихъ дикарей. Хотя постоянное пребываніе на воздухѣ закаляетъ ихъ въ большей степени, чѣмъ насъ, но ихъ легкіе шалаши и недостаточная одежда плохо защищаютъ ихъ отъ непогоды, и они часто поражаются болѣзнями, отъ которыхъ единственнымъ средствомъ служитъ лѣченіе ихъ знахарей, основанное на грубомъ суевѣріи. Ихъ болѣзненность и сильная смертность увеличиваются еще частымъ голоданіемъ, отъ необезпеченности средствъ къ существованію и отъ незапасливости. Ведя бродячую, голодную жизнь, они не хотятъ имѣть много дѣтей и часто убиваютъ ихъ при самомъ рожденіи. Численность ихъ уменьшается и постоянными войнами, и отъ всего этого число дикарей всюду и постоянно убываетъ. Культурные пришельцы способствуютъ этой убыли, принося къ нимъ разные пороки, въ родѣ пьянства, и губительныя для нихъ болѣзни, но они

только ускоряютъ ихъ гибель, къ которой тѣ шли уже сами по себѣ. И это можно сказать не только о настоящихъ дикаряхъ, но и о полудикихъ кочевникахъ: они вынуждены предоставлять свои пастбища земледѣльцамъ, и если не хотятъ переходить отъ скотоводства къ земледѣлію, то должны отступать передъ культурой, и, терпя вслѣдствіе того различныя лишенія, уменьшаются въ численности.

Съ другой стороны, культурное населеніе Европы постоянно и значительно возрастаетъ; во многихъ странахъ земля не можетъ уже прокормить его, и оно должно искать свободныхъ земель въ другихъ частяхъ свѣта. Естественно, оно ищетъ ихъ въ мѣстахъ, обитаемыхъ дикарями, гдѣ много земли и мало жителей, и тамъ основываетъ колоніи. Въ то же время прибыль населенія въ нашей части свѣта, лишая его возможности прокармливаться земледѣліемъ, вызываетъ усиленное развитіе промышленности и торговли, дающихъ занятіе многимъ. Вслѣдствіе этого усиленнаго развитія, черезъ нѣкоторое время количество выдѣлываемыхъ товаровъ начинаетъ превышать спросъ ихъ на мѣстѣ, и является необходимость вывозить ихъ въ другія страны. Новыми мѣстами продажи, или рынками, бываютъ другія культурныя страны, не развившія еще въ такой степени своей промышленности, и страны полукультурныя, уже ознакомившіяся съ жизненными

удобствами, доставляемыми европейскими фабриками, и не имѣющія своихъ фабрикъ и заводовъ, на которыхъ выдѣлывались бы подобныя издѣлія. Если европейскія государства въ силахъ были подчинить своей власти такія полукультурныя страны, они навязывали имъ свои мануфактурныя произведенія, иногда совершенно убивая мѣстную промышленность, какъ это дѣлала Испанія въ своихъ прежнихъ американскихъ колоніяхъ и какъ это дѣлаетъ до сихъ поръ Англія въ Индіи. Если же завоеваніе подобной страны оказывалось невозможнымъ, европейская торговля проникала туда путемъ политическихъ трактатовъ, или договоровъ, открывавшихъ путь ея товарамъ за извѣстныя выгоды, предоставлявшіяся правительству этой страны. При большой численности ея обитателей, европейцы не могли основывать тамъ колоніи, т.-е. направлять туда избытокъ своего населенія, а должны были довольствоваться учрежденіемъ факторій, или торговыхъ конторъ, получавшихъ товары изъ Европы и вывозившихъ мѣстныя произведенія, которыя могли найти сбытъ на европейскихъ рынкахъ.

Изъ такихъ странъ вниманіе Европы съ давняго времени всего болѣе привлекалъ къ себѣ Китай. Онъ былъ извѣстенъ еще древнимъ, какъ страна шелка, который въ тѣ времена нигдѣ не вырабатывался, кромѣ Китая. Мы знаемъ, что въ началѣ II вѣка

по Р. Х. сирійскіе фокусники и музыканты черезъ Индокитай проникли ко двору китайскаго императора; во второй половинѣ того же вѣка купцы изъ Антіохіи снарядили отъ имени императора Антонина посольство къ китайскому двору съ цѣлью добиться облегченій торговли шелкомъ, при чемъ это посольство отправилось морскимъ путемъ. Впослѣдствіи для перевозки шелка установился торговый путь черезъ Мервъ, Экбатанъ и Вавилонъ къ устью Тигра и Евфрата, а оттуда моремъ. Въ средніе вѣка упомянутыми мѣстностями завладѣли арабы, и они продолжали торговыя сношенія между западной Азіей и Китаемъ. Въ концѣ первой четверти XIV вѣка арабскій путешественникъ Ибнъ Батута проѣхалъ черезъ всю западную и южную Азію до Китая. Путь арабовъ въ эту страну шелъ отъ Самарканда къ Сыръ-Дарьѣ, оттуда въ Кульджу, затѣмъ черезъ Тянь-Шань къ бассейну Тарима и далѣе въ Канчу, у сѣвернаго подножья Ку-энь-Луня, откуда было уже только 40 дней пути до Пекина.

Столѣтіемъ раньше (въ XIII вѣкѣ) европейцамъ пришлось невольно ознакомиться съ соплеменниками китайцевъ, съ кочевыми монголами, которые надвинулись на Европу съ востока и подчинили своей власти Россію. Средоточіе ихъ царства заключалось въ Каракорумѣ, во внутренней Азіи, и христіанскіе короли, между прочимъ Людовикъ IX,

отправляли посольства ко двору могущественнаго монгольскаго хана, съ цѣлью завязать съ нимъ политическія и торговыя сношенія. Китай около этого времени подпалъ подъ власть монгольскаго правителя, и при монгольскомъ дворѣ европейцы встрѣчались съ китайскими торговцами и вступали съ ними въ торговыя дѣла. Вслѣдствіе того, установилась караванная дорога отъ Азовскаго моря къ Волгѣ, отъ сѣвернаго края Каспійскаго моря къ плоской возвышенности Усть-Уртъ, затѣмъ къ югу отъ Аральскаго моря черезъ Тянь-Шань въ Кашгаръ, въ бассейнѣ Тарима, откуда происходили постоянныя оживленныя сношенія съ Китаемъ. Вслѣдъ за торговцами двинулись въ Китай и миссіонеры, предпочитавшіе, впрочемъ, сѣверный путь по степной области Или. Третій путь шелъ черезъ южную Азію, по старому морскому пути изъ Аравіи въ Индію и далѣе въ Южно-Китайское море. Эти сношенія были прерваны революціей въ Китаѣ, низвергнувшей монгольскую династію, что̀ повело къ прекращенію доступа въ эту страну чужеземцамъ. Хотя въ XVI вѣкѣ португальцы и голландцы, самыя мореходныя націи того времени, пытались возобновить сношенія съ Китаемъ, но всѣ ихъ попытки терпѣли неудачу, и только въ нашемъ столѣтіи Китай отчасти открылся для европейскихъ путешественниковъ и торговцевъ. Многія внутреннія области, какъ, напримѣръ, Тибетъ и

собственно Китай, еще не вышли изъ своей замкнутости, и, какъ мы видимъ изъ настоящей войны, китайцы опять стараются отдѣлаться отъ иностранцевъ и закрыть для нихъ свою страну.

Прежде, чѣмъ объяснить, почему европейцы такъ стремятся въ Китай и почему, съ другой стороны, китайцы такъ неохотно пускаютъ ихъ къ себѣ, мы должны напомнить читателю нѣкоторыя географическія и культурныя особенности Китая.

II.

Изъ всѣхъ внѣевропейскихъ государствъ Китай выдѣляется своимъ политическимъ могуществомъ, своими громадными размѣрами и своей чрезвычайной многолюдностью. Монгольское царство, о которомъ мы говорили выше, просуществовало недолго, и единственными монголами, основавшими прочную сильную имперію, оказались китайцы. Въ настоящее время они владѣютъ въ Азіи пространствомъ въ 11 слишкомъ милліоновъ кв. км.; правда, оно уступаетъ на 1 мил. кв. км. русскимъ азіатскимъ владѣніямъ, но въ Сибири огромныя пространства представляютъ мерзлую безлѣсную пустыню, а Китай обладаетъ такой поверхностью плодородной земли, что можетъ прокармливать, по преимуществу съ помощью земледѣлія, почти 350 милл. человѣкъ. Такимъ исключи-

тельнымъ плодородіемъ отличается не вся поверхность Китая: въ него входятъ и безплодное плоскогорье Тибета, и отчасти степныя, отчасти пустынныя области Монголіи и Манчжуріи. Какъ объ источникѣ силы и продовольствія Китая, мы должны говорить только собственно о Китаѣ, но и онъ по своему пространству превосходитъ не только Британскую Индію, но и всю Европейскую Россію: онъ заключаетъ въ себѣ около $5^1/_2$ мил. кв. км. и вмѣщаетъ на этомъ пространствѣ 350 мил. обитателей; на остальныя области—Манчжурію, Монголію и Тибетъ—ихъ приходится не многимъ болѣе 10 мил. на пространствѣ почти 6 мил. кв. км.

Собственно Китай дѣлится географически на сѣверную и южную половины, съ достаточно рѣзкими различіями. Сѣверъ богатъ плодороднымъ желтоземомъ, или лёсомъ, котораго вовсе нѣтъ на югѣ; вслѣдствіе обилія лёса поверхность сѣверной части болѣе выравнена, тогда какъ югъ имѣетъ горный характеръ, съ крутыми возвышенностями, глубокими ущельями и широкими долинами. Сѣверный Китай почти безлѣсенъ, а въ южномъ встрѣчается лѣсовъ уже гораздо болѣе; въ первомъ горы не имѣютъ растительности, и равнины покрыты посѣвами пшеницы, хлопка и стручковыхъ растеній, а въ послѣднемъ растительность имѣетъ тропическій характеръ, съ вѣчно зелеными кустарниками и плантаціями риса

чая, шелковичнаго дерева и сахарнаго тростника. На сѣверѣ проложены дороги, по которымъ можно ѣздить въ повозкахъ и отправлять караваны на верблюдахъ и лошадяхъ, мулахъ и ослахъ; на югѣ черезъ горы ведутъ только узкія тропинки, доступныя лишь для муловъ и лошадей. Зато на югѣ развито болѣе водяное сообщеніе при помощи многочисленныхъ каналовъ; на сѣверѣ судоходство ограничивается отдѣльными рѣками и совершается на небольшихъ судахъ, что повело къ прорытію Большого канала, какъ воднаго пути черезъ сѣверную равнину.

Замѣчательнѣйшія особенности Сѣвернаго Китая представляетъ упомянутая нами лёсовая почва желтаго цвѣта и протекающая по ней Желтая рѣка, которая по-китайски называется Хоанъ-Хо. Лёсъ, по мнѣнію нѣмецкаго геолога Рихтгофена, изучавшаго его на мѣстѣ, образовался изъ пыли и песку, переносимыхъ вѣтромъ съ горныхъ скатовъ и засыпающихъ впадины. Въ немъ много глинистыхъ и илистыхъ частицъ и есть щелочныя соли, и, благодаря тому, онъ необычайно плодороденъ. Лёсовая почва позволяетъ въ холодномъ и суровомъ сѣверномъ Шанси подниматься съ посѣвами до высоты 2400 метровъ, дѣлая изъ Шанси настоящую житницу Китая. Лёсъ имѣетъ буровато-желтый цвѣтъ и самъ по себѣ довольно рыхлъ, но въ то же время можетъ настолько отвердѣвать, что въ своемъ изломѣ представляетъ

отвѣсныя стѣны. Такое сочетаніе рыхлости и твердости придаетъ этой почвѣ, состоящей изъ песку, глины и извести, способность пронизываться тонкими трубочками, происходящими отъ разрушенія растительныхъ корней, и впитывать въ себя воду, на подобіе губки. Мощность или толщина лёсоваго слоя бываетъ иногда болѣе 600 метровъ. Онъ совершенно лишенъ слоистости и раздробляется лишь въ вертикальномъ или отвѣсномъ направленіи. Такъ, южное теченіе Хоанъ-Хо сопровождается стѣнами лёса, вышиною до 150 метровъ, а долина рѣки Хвай охвачена лёсовыми стѣнами въ 200 метровъ. Какъ мы уже упомянули, лёсъ не только наполняетъ низины, но и поднимается по скатамъ горъ, доходя въ окрестностяхъ Куку-Нора до 3000 метр. высоты надъ уровнемъ моря. Лёсъ, заполняя впадины между складками горъ, уравниваетъ поверхность страны. Онъ способствуетъ тому, что между горными возвышенностями образуются отлогія долины, впрочемъ, расщепленныя и изрѣзанныя внутри, съ цѣлыми системами ущелій и углубленныхъ дорогъ; по этимъ дорогамъ телѣжки китайцевъ катятся между исполинскими, совершенно обнаженными стѣнами, тогда какъ вверху надъ окрестностью разстилается непрерывный коверъ зеленыхъ полей. „Вслѣдствіе такихъ особенностей,— говоритъ Рихтгофенъ,—лёсовая мѣстность представляетъ самыя измѣнчивыя картины; хотя по цѣлымъ

недѣлямъ, за немногими исключеніями, приходится ѣхать по совершенно однообразной почвѣ, но это нисколько не утомляетъ, благодаря богатству ея формъ. Каждый взглядъ внизъ, въ лабиринтообразные вырѣзы почвы, или изъ глубокихъ ущелій вверхъ, въ ихъ отдѣльныя вѣтви, открываетъ новыя картины. Можно видѣть въ лёсѣ тысячи пейзажей и все-таки съ удивленіемъ замѣчать новыя, неожиданныя сочетанія, въ которыхъ много романтическаго, страннаго и причудливаго. Особенно своеобразны картины, гдѣ сходятся нѣсколько ущелій и отдѣльные столбы лёса, въ нѣсколько сотъ футовъ высоты, заполняютъ пространство между обоими концами ихъ, представляя уступы съ каждой стороны и образуя подъ конецъ остроугольный выступъ, заканчивающійся подобіемъ развалинъ. Тамъ можно видѣть формы зàмковъ, крѣпостей, зубчатыхъ стѣнъ, башенъ и обелисковъ въ самой разнообразной группировкѣ. Въ другомъ мѣстѣ приходится ѣхать по дорогѣ, вырѣзанной между лёсовыми стѣнами... Мы видимъ внизу цѣлый хаосъ, гдѣ тысячи отвѣсныхъ выступовъ одноцвѣтнаго желтаго лёса отдѣляютъ столько же недоступныхъ ущелій. Двигаясь дальше по этой углубленной дорогѣ, мы должны неожиданно подниматься на большую крутизну или опускаться съ нея, чтò намъ удается только съ величайшимъ трудомъ. Вдругъ стѣны исчезаютъ по обѣимъ сторонамъ; дорога вступаетъ на узкій

хребетъ, по обѣимъ сторонамъ котораго зіяютъ желтыя пропасти въ безконечныхъ развѣтвленіяхъ Тамъ, гдѣ этотъ хребетъ опускается, дорога можетъ воспользоваться ровной плоскостью уступа, но вскорѣ мы опять попадаемъ въ углубленіе и вновь вступаемъ изъ него въ систему ущелій, не имѣющую, быть можетъ, никакой связи съ прежней. Мы должны опускаться, чтобы добраться до ея дна, и затѣмъ по другую сторону ея еще разъ подниматься въ другія ущелья“.

Отъ размывовъ желтой почвы, великая рѣка Сѣвернаго Китая, Хоангъ-Хо также окрашена въ желтый цвѣтъ. Общее протяженіе ея равняется 4150 км., и рѣчная область ея занимаетъ болѣе милліона квадр. километровъ. Она выходитъ изъ горъ, течетъ по пустынямъ и степямъ Монголіи прежде, чѣмъ вступить въ Китай, „какъ заблудившійся чужеземецъ“, по выраженію Рихтгофена, „протягиваясь длинной извилистой нитью черезъ степи, безъ всякой органической связи со страною, не имѣющею истоковъ къ морю, и съ солончаковыми степными отложеніями“. Принявъ въ себя Теркёнъ-Голъ, „Быструю рѣку“, Хоангъ-Хо поворачиваетъ къ югу и затѣмъ опять течетъ въ гористой странѣ, прорѣзывая ее на протяженіи 700 км. и уже не принимая большихъ притоковъ. Наконецъ, онъ опять поворачиваетъ на востокъ и слѣдуетъ направленію рѣки Хвей-Хо. Здѣсь

сливаются съ нимъ еще нѣсколько большихъ рѣкъ Сѣвернаго Китая, которыя, такимъ образомъ, текутъ вмѣстѣ по широкой равнинѣ Хвей-Хо. Такъ какъ на равнину далеко выступаютъ западные отроги Шантунгскихъ горъ, то Хоангъ-Хо, дойдя до нихъ, вынужденъ обходить это препятствіе, направляясь на сѣверо-востокъ или на юго-востокъ. Къ несчастью для Китая, онъ избираетъ то одинъ, то другой изъ этихъ путей. Древнѣйшіе китайскіе источники сообщаютъ, что онъ, по выходѣ изъ горъ, поворачивалъ къ сѣверо-востоку, пользуясь ложемъ нынѣшняго Вей-Хо, и, проходя по самому сѣверному краю большихъ равнинъ, впадалъ во внутреннее Желтое море. Съ тѣхъ поръ рѣка мѣняла свое направленіе чаще всѣхъ другихъ великихъ рѣкъ земного шара. Съ XIII столѣтія до 1852 года она неизмѣнно слѣдовала юго-восточному направленію и впадала во внѣшнюю часть Желтаго моря. Въ послѣднія 40 лѣтъ произошли измѣненія въ теченіи рѣки. Въ 50-хъ годахъ, во время возстанія тайпинговъ, плотины, которыми уравнивается движеніе воды, были оставлены безъ наблюденія, и Хоангъ-Хо опять вступилъ въ свой сѣверный рукавъ. Такъ продолжалось до 1887 года, когда рѣка еще разъ измѣнила свое направленіе, внезапно бросившись къ юго-востоку, что вызвало большое наводненіе, покрывшее водою обширныя пространства и стоившее жизни множеству

людей. Однако, въ 1889 году удалось опять отвести рѣку въ ея сѣверное ложе.

Великая китайская равнина занимаетъ пространство въ 445,000 кв. км., простираясь между горными цѣпями и моремъ, достигая на сѣверѣ до Пекина, а на югѣ переходя за Янгъ-тсе-кіангъ. Она состоитъ отчасти изъ лёса, отчасти изъ песку и, въ меньшей степени, изъ чернозема и желтоватыхъ наносовъ, происходящихъ изъ лёсовыхъ областей горныхъ мѣстностей. Этотъ желтый цвѣтъ настолько преобладаетъ, что, по мнѣнію Рихтгофена, сѣверную часть Великой равнины слѣдовало бы назвать Желтой равниной, соотвѣтственно Желтому морю, принимающему этотъ цвѣтъ отъ осадковъ Желтой рѣки. Хоангъ-Хо изъ года въ годъ приноситъ новые осадки на старыя отложенія и этимъ повышаетъ равнину, не образуя дельты у своего устья. Сѣверная часть равнины, пространство которой (319,000 кв. км.) равняется по величинѣ Норвегіи или Великобританіи и больше, чѣмъ вдвое, превосходитъ южную часть, равную 126,000 кв. км., имѣетъ характеръ парка. По описанію Рихтгофена, здѣсь „плотные бамбуковые кустарники чередуются съ группами многочисленныхъ кипарисовъ, древесными насажденіями и высокими группами различныхъ плодовыхъ деревьевъ вблизи деревень. Между ними простираются воздѣланныя, какъ огороды, поля, и все это перерѣзы-

вается частыми потоками чистой горной воды. Равнина имѣетъ такой видъ при выходѣ Хоангъ-Хо изъ горъ; далѣе къ сѣверу бамбуковыя заросли исчезаютъ, и вся земля становится пустыннѣе. Съ приближеніемъ къ столицѣ, страна оживляется, и многочисленные монастыри, тѣнистыя кладбища и большіе мраморные памятники служатъ украшеніемъ пейзажа.

Кромѣ Хоангъ-Хо, сѣверно-китайскую равнину прорѣзываютъ и другія рѣки, изъ которыхъ самая значительная, Вей-Хо, течетъ въ прежнемъ ложѣ Хоангъ-Хо и сливается у Тьенъ-тсиня съ Пей-Хо, впадающимъ близъ Таку въ Желтое море. Къ югу отъ Шантунгской горной страны, Императорскій каналъ соединяетъ Вей-Хо съ Хоангъ-Хо, а этотъ послѣдній съ озеромъ Хоангъ-тсе и Янгъ-тсе-кіангомъ. Къ югу отъ Хоангъ-Хо начинается упомянутая выше рѣчная система Хвей-Хо. Это — довольно большая рѣка, впадающая въ озеро Хунгъ-тсе. Вся эта мѣстость, не такъ давно отвоеванная у моря, чрезвычайно плодородна и перерѣзана безчисленными потоками. Къ югу отъ долины Хвей-Хо поднимаются возвышенности, отдѣляющія сѣверный Китай отъ южнаго.

Южный Китай по своему строенію отличается отъ сѣвернаго. По немъ проходятъ параллельныя горы, придающія большую живописность пейзажамъ, съ глубокими котловинами между отдѣльными хребтами. Нѣкоторыя изъ этихъ котловинъ были въ

прежнія геологическія эпохи морскими бухтами. Самая извѣстная изъ нихъ—Красная котловина въ Сечуанѣ, къ сѣверо-западу отъ Янгъ-тсе-кіанга; это—обширная плодородная равнина, въ которую глубоко врѣзывается Янгъ-тсе-кіангъ (Голубая рѣка). Между ними проходятъ горные хребты различной высоты, отъ низкихъ холмовъ до высокихъ горъ. Равнины южнаго Китая, покрытыя наносной почвой, имѣютъ весьма важное значеніе для земледѣлія. Въ одной изъ такихъ чрезвычайно плодородныхъ и густо населенныхъ областей лежитъ главный городъ Чингтуфу, въ западной части Сечуана; другая тянется по теченію Янгъ-тсе-кіанга.

Въ южномъ Китаѣ замѣчательное строеніе морскихъ береговъ. Скалистыя обнаженныя возвышенности выдвигаются къ самому морю; безчисленныя бухты, мысы и вырѣзы почти походятъ на фіорды (узкіе заливы со скалистыми стѣнами), и это строеніе повторяется въ островахъ, лежащихъ передъ берегомъ. Но изъ этихъ гаваней, занесенныхъ пескомъ, большинство непригодно для мореходства; исключеніе составляютъ только Кантонъ, Амой, Фучоу, Нингпо и нѣкоторыя другія. Изъ острововъ, поднимающихся передъ берегомъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ Хайнанъ и Формоза. И тотъ, и другой гористы, но Формоза превосходитъ первый величиною и живописными пейзажами. Китайскій берегъ

къ сѣверу отъ Нингпо изъ крутого превращается въ плоскій и остается такимъ до Ліаутуигскаго (Ляодунскаго). По ту сторону Нингпо открывается Шанхайская бухта, въ которую вливаются голубыя волны величайшей изъ китайскихъ рѣкъ—Янгъ-тсе-кіанга. Здѣсь простирается мѣстность, недавно находившаяся подъ водою, отличающаяся пышной растительностью и особенно удобная для воздѣлыванія риса.

Янгъ-тсе-Кіангъ отличается меньшимъ непостоянствомъ въ сравненіи съ своимъ сосѣдомъ Хоангъ-Хо; теченіе его равномѣрнѣе, и берега не такъ легко поддаются разрушенію. Длина его равняется 5080 км., т.-е. уступаетъ только длинѣ трехъ рѣкъ—Миссисипи, Миссури, Нилу и Амазонкѣ; болѣе, чѣмъ на 300 км. она превосходитъ длину Енисея и Амура; слѣдовательно, Янгъ-тсе-кіангъ можно назвать самой длинной рѣкою Азіи. Но бассейнъ его не соотвѣтствуетъ такой длинѣ; не говоря уже объ Амазонкѣ и Миссисипи, Конго, Нилъ и три великія сибирскія рѣки превосходятъ его въ этомъ отношеніи. Теченіе Янгъ-тсе-кіанга начинается къ югу отъ истоковъ Хоангъ-Хо, вслѣдъ за тѣмъ онъ вступаетъ въ горную систему Индокитая и перерѣзываетъ ее безчисленными извилинами; только въ одномъ мѣстѣ онъ течетъ по прямому направленію, по узкой и дикой долинѣ, по обѣимъ сторонамъ которой крутыя горы

прежнія геологическія эпохи морскими бухтами. Самая извѣстная изъ нихъ—Красная котловина въ Сечуанѣ, къ сѣверо-западу отъ Янгъ-тсе-кіанга; это—обширная плодородная равнина, въ которую глубоко врѣзывается Янгъ-тсе-кіангъ (Голубая рѣка). Между ними проходятъ горные хребты различной высоты, отъ низкихъ холмовъ до высокихъ горъ. Равнины южнаго Китая, покрытыя наносной почвой, имѣютъ весьма важное значеніе для земледѣлія. Въ одной изъ такихъ чрезвычайно плодородныхъ и густо населенныхъ областей лежитъ главный городъ Чингтуфу, въ западной части Сечуана; другая тянется по теченію Янгъ-тсе-кіанга.

Въ южномъ Китаѣ замѣчательное строеніе морскихъ береговъ. Скалистыя обнаженныя возвышенности выдвигаются къ самому морю; безчисленныя бухты, мысы и вырѣзы почти походятъ на фіорды (узкіе заливы со скалистыми стѣнами), и это строеніе повторяется въ островахъ, лежащихъ передъ берегомъ. Но изъ этихъ гаваней, занесенныхъ пескомъ, большинство непригодно для мореходства; исключеніе составляютъ только Кантонъ, Амой, Фучоу, Нингпо и нѣкоторыя другія. Изъ острововъ, поднимающихся передъ берегомъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ Хайнанъ и Формоза. И тотъ, и другой гористы, но Формоза превосходитъ первый величиною и живописными пейзажами. Китайскій берегъ

къ сѣверу отъ Нингпо изъ крутого превращается въ плоскій и остается такимъ до Ліаутунгскаго (Ляодунскаго). По ту сторону Нингпо открывается Шанхайская бухта, въ которую вливаются голубыя волны величайшей изъ китайскихъ рѣкъ—Янгъ-тсе-кіанга. Здѣсь простирается мѣстность, недавно находившаяся подъ водою, отличающаяся пышной растительностью и особенно удобная для воздѣлыванія риса.

Янгъ-тсе-Кіангъ отличается меньшимъ непостоянствомъ въ сравненіи съ своимъ сосѣдомъ Хоангъ-Хо; теченіе его равномѣрнѣе, и берега не такъ легко поддаются разрушенію. Длина его равняется 5080 км., т.-е. уступаетъ только длинѣ трехъ рѣкъ—Миссисипи, Миссури, Нилу и Амазонкѣ; болѣе, чѣмъ на 300 км. она превосходитъ длину Енисея и Амура; слѣдовательно, Янгъ-тсе-кіангъ можно назвать самой длинной рѣкою Азіи. Но бассейнъ его не соотвѣтствуетъ такой длинѣ; не говоря уже объ Амазонкѣ и Миссисипи, Конго, Нилъ и три великія сибирскія рѣки превосходятъ его въ этомъ отношеніи. Теченіе Янгъ-тсе-кіанга начинается къ югу отъ истоковъ Хоангъ-Хо, вслѣдъ за тѣмъ онъ вступаетъ въ горную систему Индокитая и перерѣзываетъ ее безчисленными извилинами; только въ одномъ мѣстѣ онъ течетъ по прямому направленію, по узкой и дикой долинѣ, по обѣимъ сторонамъ которой крутыя горы

поднимаются до границы вѣчныхъ снѣговъ. Въ этомъ мѣстѣ высота рѣки достигаетъ 2000 мет. надъ уровнемъ моря. Ущелья, которыя Янгъ-тсе-кіангъ прорѣзываетъ въ горахъ, почти совершенно недоступны, и водяныя массы здѣсь бѣшено несутся между скалами. У Ликіанъ-фу, лежащаго въ сѣверномъ Юннанѣ, Янгъ-тсе-кіангъ опять прорѣзываетъ двѣ параллельныя цѣпи и описываетъ двѣ большія дуги, проходя черезъ другія индокитайскія горы. Онъ несетъ здѣсь много золотого песку, и мѣстные жители называютъ его „рѣкой съ золотымъ пескомъ". При прохожденіи черезъ названныя горы, высота его постепенно уменьшается до 300 метровъ. Важнѣйшимъ притокомъ его является Ялунгъ-Кіангъ. Выйдя, наконецъ, изъ послѣднихъ хребтовъ индокитайской системы, Янгъ-тсе-кіангъ вступаетъ въ Красную котловину Сечуана и принимаетъ здѣсь съ сѣвера Минъ-Кіангъ, орошающій необыкновенно плодородную равнину Чингтуфу, главнаго города Сечуана. „Рѣка золотого песку" получаетъ затѣмъ названіе „Большой рѣки" и, будучи уже судоходной, протекаетъ въ глубокомъ вырѣзѣ по привлекательнымъ и хорошо обработаннымъ мѣстностямъ, съ деревнями и городами. Здѣсь рѣка расширяется до 700 метровъ и принимаетъ слѣва Кіялингъ, орошающій Красную котловину, и далѣе справа Ву-Кіангъ, образуя въ горахъ ущелье за ущельемъ, пока онъ не вступитъ въ Ху-

квангскую равнину. Это равнина покрыта наносной почвой и, хотя иногда подвергается разрушительнымъ наводненiямъ Янгъ-тсе-кiанга, но можетъ назваться настоящимъ центромъ Китая, такъ какъ она орошается на сѣверѣ и на югѣ судоходными рѣками. Эти рѣки поднимаютъ значенiе центральной равнины, и тамъ, гдѣ рѣка Хань впадаетъ въ главную рѣку, находятся громадные города Вучангъ, Ханьянгъ и Ханькоу. Ниже этой равнины лежитъ другая, менѣе живописная и разнообразная, на которой находится возвышенное озеро Поянгъ, куда впадаетъ большая судоходная рѣка Кiа-Кiангъ. Отсюда Янгъ-тсе-кiангъ течетъ къ сѣверу-востоку по широкой долинѣ между параллельными цѣпями горъ, прокладываетъ себѣ путь къ югу отъ Нанкина черезъ отроги Куэнь-Луня и, пройдя по широкой болотистой мѣстности, впадаетъ въ море. Устье его доступно самымъ большимъ морскимъ судамъ, чего нельзя сказать о другихъ китайскихъ рѣкахъ. Долина Янгъ-тсе-кiанга необыкновенно плодородна. Урожаи провинцiи Сечуанъ такъ значительны, что жители ея могутъ пользоваться всѣмъ въ изобилiи: тамъ произрастаютъ всѣ наиболѣе полезныя растенiя Китая, за исключенiемъ одного хлопка. Рѣка богата рыбою, горы содержатъ каменный уголь въ Хунанѣ, къ югу отъ озера Тунгтинга находятся богатыя чайныя плантацiи, а провинцiи по нижнему теченiю рѣки, на ряду съ чаемъ и

шолкомъ, производятъ рисъ и хлопокъ въ громадныхъ количествахъ. Южная часть этой области, гористый Юннанъ, также можетъ разсчитывать на блестящее будущее, вслѣдствіе своего богатства металлами и каменнымъ углемъ.

III.

Въ этихъ громадныхъ плодородныхъ странахъ китайцы живутъ уже давно. Какъ предполагаютъ, они пришли туда изъ оазисовъ южнаго края бассейна Тарима между Хотаномъ и Лобъ-Норомъ. Они принадлежали къ монгольскому племени, ведущему по преимуществу кочевную жизнь, но еще на своей первоначальной родинѣ они промѣняли кочевое существованіе на осѣдлое и съ большимъ усердіемъ отдались земледѣлію. Возможно, что, во время пребыванія ихъ въ этой части Азіи, они находились въ сношеніяхъ съ западно-азіатскими культурными народами и заимствовали у нихъ нѣкоторыя научныя понятія. Иначе трудно объяснить такія совпаденія, какъ раздѣленіе года на 12 мѣсяцевъ по 30 дней, одинаковое у китайцевъ и вавилонянъ, одинаковое значеніе названій мѣсяцевъ у тѣхъ и другихъ, одинаковое количество и тѣ же названія планетъ и т. п. Китайцевъ вынудило къ переселенію постепенное занесеніе пескомъ ихъ оазисовъ. Они двигались понемногу, преодолѣвая различныя препятствія, въ видѣ

горъ и пустынь, на своемъ пути, но уже почти за 3000 лѣтъ до Р. Х. появились въ качествѣ земледѣльцевъ въ нынѣшнихъ провинціяхъ Кансу, Шенси и Шанси. Они тогда же заняли и равнину Чингтуфу въ Сечуанѣ, большую равнину между Хоангъ-Хо и Янгъ-тсе-кіангомъ, и берега послѣдняго до озера Поянга. Съ того времени они живутъ въ этихъ областяхъ подъ властью одного главнаго правителя, богдыхана, представляя единственный въ своемъ родѣ примѣръ древняго государства, сохранившагося до нашего времени.

Историческія преданія ихъ восходятъ до такого отдаленнаго времени, какъ 2600 лѣтъ до Р. Х., хотя, касаясь такого далекаго прошлаго, не могутъ не быть баснословными. Замѣчательно, что китайцы и въ этихъ историческихъ сказаніяхъ выступаютъ съ тѣмъ же характеромъ, какой мы видимъ у нихъ и теперь, а именно съ безусловною преданностью къ своему богдыхану и твердою увѣренностью, что всѣ блага, какими они пользуются, исходятъ отъ него. Хотя въ преданіяхъ многихъ другихъ народовъ введеніе земледѣлія, образованности и пр. приписывается отдѣльнымъ лицамъ, но эти лица иногда называются иноземцами, пришедшими изъ неизвѣстной страны, а иногда богами или полубогами, сошедшими съ неба, чтобы научить людей полезнымъ знаніямъ и искусствамъ. У китайцевъ такими благодѣтелями всегда

оказываются великіе властители ихъ, каковы Фухи, Яо, Шунъ и Ію; они насадили первыя сѣмена образованности, ввели земледѣліе и воздѣлываніе шелковичнаго дерева и разведеніе шелковичныхъ червей, провели каналы. Въ китайскихъ преданіяхъ одному и тому же государю приписывается изобрѣтеніе календаря, музыки и системы мѣръ и вѣсовъ, а супругѣ его—изобрѣтеніе шелководства и обработки шелка; этотъ государь просто приказываетъ одному изъ своихъ министровъ изобрѣсти письменные знаки, и тотъ исполняетъ это съ большимъ успѣхомъ. Полезныя изобрѣтенія приписываются по бо́льшей части богдыхану Ію, которымъ начинается первая наслѣдственная династія за 2205 лѣтъ до Р. Х. При этой династіи и при слѣдующей, прекратившейся въ 1123 году, китайское царство занимало только области Хвей-Хо и нижняго Хоангъ-Хо до берега моря. Слѣдующая династія, основатель которой, Вувангъ, далъ законы Китаю, распространила предѣлы царства за Янгъ-тсе-кіангъ. Такое медленное распространеніе или, точнѣе сказать, медленное закрѣпленіе власти китайцевъ объясняется тѣмъ, что на своей новой родинѣ они нашли туземныя племена, у которыхъ имъ приходилось отвоевывать землю, что̀ въ концѣ концовъ привело къ полному поглощенію этихъ племенъ китайцами.

Китайская исторія прославляетъ еще императора Шихоангти изъ династіи Тсинъ (въ III вѣкѣ до Р. Х.), который отличался строгостью, одолѣлъ сопротивленіе знатныхъ лицъ, желавшихъ быть самостоятельными въ своихъ владѣніяхъ, провелъ искуственныя дороги, расширилъ границы и началъ постройку Великой Стѣны, чтобы оградить царство отъ нападеній сѣверныхъ кочевниковъ. Слѣдующая династія (Ханъ) установила послѣдованіе ученію Конфуція, о которомъ мы скажемъ дальше, хотя въ ея время и буддизмъ проникъ изъ Индіи. Въ правленіе этой династіи китайское царство достигло высшаго внутренняго расцвѣта и наибольшаго распространенія своихъ границъ. Преслѣдуя тревожившіе ихъ разбойничьи народы, китайцы доходили въ то время до Каспійскаго моря, и здѣсь впервые стали извѣстны европейцамъ. Тѣмъ не менѣе, нападенія кочевниковъ и внутреннія несогласія, сопровождавшіяся частою смѣною династій, нарушали спокойное теченіе жизни Китая. Водворить порядокъ и возвратить блескъ имперіи удалось великому императору Тайтсунгу (въ VII в. по Р. Х.) изъ династіи Тангъ, который присоединилъ къ Китаю земли по Тариму и Корею, улучшилъ внутреннее управленіе и способствовалъ процвѣтанію промышленности, торговли, литературы и науки. Послѣ нѣсколькихъ слабыхъ императоровъ этой династіи и быстрой смѣны нѣсколькихъ новыхъ дина-

стій сѣверныя провинціи Китая были завоеваны татарами. Хотя это было не полное завоеваніе, такъ какъ татары ограничивались только данью, но китайцы, послѣ ослабленія ихъ силы, должны были платить дань и манджурамъ; въ то время столица ихъ находилась въ южномъ Китаѣ, сперва въ Нанкинѣ, а затѣмъ въ Хангчоу. Вскорѣ Китай былъ вполнѣ покоренъ Кублайханомъ, внукомъ Чингисхана. Кублайханъ перенесъ резиденцію въ Пекинъ и положилъ основаніе монгольской династіи Юанъ. Первые императоры этой династіи отличались энергіей, но управляли согласно прежнимъ порядкамъ и законамъ. Подъ конецъ эта династія впала въ различные пороки и была свергнута буддійскимъ жрецомъ Чуюянгчангомъ, положившимъ начало (въ XIV в.) династіи Мингъ, окончательно установившей нынѣшнюю форму правленія. Эта династія, управлявшая при первыхъ представителяхъ съ большимъ благоразуміемъ, въ чисто китайскомъ духѣ, въ XVII вѣкѣ должна была уступить свою власть манджурамъ, основавшимъ династію Тсингъ, до сихъ поръ занимающую китайскій престолъ.

Географическое положеніе Китая между пустынями Азіи и Тихимъ океаномъ естественно располагало его къ замкнутости; какъ земледѣльцы, китайцы относились враждебно къ кочевникамъ, постоянно угрожавшимъ имъ, и старались подчинить ихъ своей

власти или оградить себя отъ нихъ. Мы видѣли, что воинственные кочевники, тѣмъ не менѣе, три раза завладѣвали Китаемъ, но въ то время Китай былъ уже такъ многолюденъ и государственный строй его такъ крѣпокъ, что орды, нападавшія на него, могли только исчезать въ немъ, незамѣтно сливаясь съ его массою, какъ теряется ручей въ большомъ озерѣ или морѣ. Быстро окитаившаяся манджурская династія, въ особенности при трехъ первыхъ императорахъ, оказала большую пользу Китаю. При нихъ были подавлены всѣ внутреннія возстанія, присоединены Формоза, большая часть Джунгаріи, восточный Туркестанъ и Тибетъ. Другими словами, наложена была узда на самыхъ опасныхъ враговъ Китая. При этихъ же императорахъ начинаются сношенія Россіи съ Китаемъ: между ними въ 1646 г. былъ заключенъ первый торговый договоръ, а въ 1684 г. произошли первыя несогласія изъ-за проведенія границъ, закончившіяся отправкою Петромъ Великимъ посольства въ Китай. Россія получила право ежегодно посылать караванъ въ Пекинъ и поселить тамъ духовную миссію изъ 10 лицъ.

Кромѣ указанныхъ выше, болѣе или менѣе случайныхъ и порывавшихся на долгое время сношеній Китая съ западной Европой, болѣе правильное, хотя весьма ограниченное, общеніе между ними началось съ XVI вѣка. Португальцамъ, испанцамъ и голланд-

цамъ еще въ XVI в. разрѣшено было вести торговлю въ отдѣльныхъ прибрежныхъ мѣстахъ, и въ этомъ же вѣкѣ въ Китай были допущены католическіе миссіонеры. Въ слѣдующемъ столѣтіи французы и англичане также получили разрѣшеніе производить торговлю въ Китаѣ. Но уже въ XVIII в. китайцы начали неблагопріятно смотрѣть на христіанъ и преслѣдовать своихъ крещеныхъ соотечественниковъ. Положеніе иноземцевъ затруднялось еще болѣе внутренними безпорядками въ странѣ. Все это приводило къ крайнему стѣсненію торговли европейцевъ и по отношенію къ католикамъ закончилось въ 1815 году згнаніемъ ихъ изъ Китая. Англичанамъ пришлось силою принудить китайцевъ къ различнымъ уступкамъ, которыя въ концѣ концовъ состояли въ допущеніи ихъ въ гавани Кантонъ, Амой, Хучоу, Нингпо и Шанхай, гдѣ они могли производить торговлю, держать своихъ консуловъ и пользоваться уменьшеннымъ тарифомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они получили въ вѣчное владѣніе островъ Гонконгъ. Но эта война имѣла крайне безнравственный характеръ со стороны англичанъ, такъ какъ начата была ими съ цѣлью отстоять право ввоза опіума, противъ котораго возставало китайское правительство, справедливо признавая его крайне вреднымъ для своего народа; такимъ образомъ предубѣжденіе противъ „красныхъ варваровъ“ у китайцевъ могло только усилиться послѣ

этой войны. Вскорѣ послѣ того и французы заключили договоръ съ Китаемъ, открывавшій имъ гавани, доступныя англичанамъ. Въ то же время они потребовали права свободнаго распространенія христіанства въ Китаѣ, что также вызвало непріязненное отношеніе къ нимъ въ народѣ.

Неудачная война съ Англіей создала для правительства и внутреннія затрудненія, такъ какъ этой неудачей воспользовались враги манджурской династіи, во главѣ которыхъ всталъ Сіутсуэнъ, желавшій положить начало новой династіи тайпинговъ. Это тайпингское возстаніе серьезно угрожало Китаю, такъ какъ одно время Сіутсуэнъ подчинилъ своей власти нѣсколько провинцій и завладѣлъ Нанкиномъ, объявивъ его столицей. Сіутсуэнъ сочуственно относился къ христіанамъ, велѣлъ напечатать Ветхій и Новый завѣтъ на китайскомъ языкѣ во множествѣ экземпляровъ и предоставлялъ полную свободу распространенію христіанства, но самъ не принялъ крещенія. Возстаніе тайпинговъ въ концѣ концовъ было подавлено, но затѣмъ правительство стало относиться непріязненно къ христіанамъ, какъ къ сторонникамъ своихъ враговъ. Къ этому неудовольствію прибавилось справедливое негодованіе по поводу насильственной вербовки китайскихъ рабочихъ, которые вывозились въ различныя англійскія колоніи. Правительство издало тогда постановленіе объ изгнаніи

всѣхъ европейцевъ изъ Китая. Это было въ 1857 году. Англія вмѣстѣ съ Франціей, для защиты своихъ подданныхъ, проживавшихъ въ Китаѣ, прислали соединенный флотъ, который приступилъ къ бомбардировкѣ Кантона и принудилъ городъ къ сдачѣ послѣ отступленія китайскихъ войскъ. Когда обращеніе европейскихъ пословъ къ Китаю не имѣло успѣха, европейскій флотъ занялъ устье Пей-Хо и осадилъ форты Таку. Но лишь тогда, когда союзники вступили въ Тянь-Тсинь, гавань Пекина, китайское правительство рѣшило вступить съ ними въ переговоры. Однако, оно продолжало затягивать ихъ и возводить укрѣпленія на берегахъ Пей-Хо. Оно даже одержало побѣду надъ англійскими войсками, и, тѣ въ соединеніи съ французами, съ увеличенными силами въ іюлѣ 1860 года двинулись вверхъ по Пей-Хо, овладѣли всѣми фортами по обоимъ берегамъ его и заняли Тянь-Тсинь. Китайцы всѣми способами старались воспротивиться движенію ихъ къ Пекину, но французскій главнокомандующій Монтобанъ одержалъ верхъ надъ китайскими войсками, 5-го октября вступилъ въ Пекинъ и занялъ Лѣтній дворецъ. Тогда китайцы должны были уступить и, въ концѣ октября того же года, заключить мирный договоръ.

Какъ мы видимъ, ровно 40 лѣтъ тому назадъ въ Китаѣ произошли событія совершенно сходныя съ тѣми, какія разыгрались тамъ лѣтомъ нынѣшняго

года, съ той разницей, что въ числѣ войскъ одно изъ первыхъ мѣстъ теперь занимали русскіе и походъ изъ Тянь-Тсиня на Пекинъ происходилъ подъ главнымъ начальствомъ русскаго генерала. Повтореніе этого похода можетъ быть объяснено тѣмъ, что въ Китаѣ, несмотря на побѣды европейцевъ, не прекращалось явное и тайное противодѣйствіе имъ, чему способствовало и то обстоятельство, что власть въ Китаѣ въ послѣднія десятилѣтія находилась подрядъ въ рукахъ слишкомъ юныхъ или слабыхъ правителей. Отъ времени до времени въ странѣ вспыхивали возстанія, и европейцы, въ особенности англичане, охотно помогали правительству, видя въ безпорядкахъ угрозу своимъ торговымъ интересамъ. Желая придать правительству болѣе силы въ борьбѣ съ мятежниками,они разрѣшали ему пріобрѣтеніе англійскихъ военныхъ судовъ и обученіе солдатъ по европейскому образцу съ помощью англійскихъ офицеровъ. Германія помогла Китаю справиться съ морскими береговыми разбоями. Вслѣдствіе вѣроломнаго нападенія на нѣмецкую шкуну въ 1875 году, она вынудила китайцевъ дать ей желаемое удовлетвореніе и принять мѣры къ охраненію европейской береговой торговли. Ввиду безпорядковъ въ Кульджѣ, на русской границѣ, Россія временно заняла Кульджу, съ цѣлью обузданія таранчей, но въ 1881 г., согласно своему обѣщанію, возвратила ее Китаю. Послѣ того

въ 80-хъ годахъ у Китая было столкновеніе съ Франціей, окончившееся признаніемъ власти французовъ надъ Аннамомъ и присоединеніемъ къ Франціи Тонкина. Несмотря на всѣ эти столкновенія, Китай, повидимому, шелъ все далѣе и далѣе по пути дипломатическихъ сношеній съ Европой, учредивъ постоянныя посольства при Петербургскомъ, Парижскомъ, Лондонскомъ и Берлинскомъ дворахъ и разрѣшивъ постоянное пребываніе пословъ этихъ государствъ, а также нѣкоторыхъ другихъ, при своемъ дворѣ. Какъ извѣстно, эти мирныя сношенія совершенно неожиданно были нарушены народнымъ возстаніемъ въКитаѣ противъ иностранцевъ, которое отчасти было поддержано правительствомъ. Поводы къ этому новому повороту китайской политики, вѣроятно, выяснятся въ ближайшемъ будущемъ, когда удастся проникнуть въ тайну организаціи этого возстанія, но возможность его, заключающуюся въ характерѣ и свойствахъ китайскаго народа, мы отчасти можемъ уже объяснить себѣ.

IV.

Китаецъ во многомъ отличается отъ своего полудикаго родича монгола, продолжающаго вести кочевую жизнь въ степяхъ внутренней Азіи. И самъ Китай такъ великъ, что не можетъ быть пол-

наго сходства между обитателями различныхъ провинцій его, напримѣръ, сѣверныхъ и южныхъ, и между представителями различныхъ общественныхъ классовъ. Плоское лицо низшаго типа, похожее на монгольское, встрѣчается только вѣ рабочемъ классѣ, а въ высшемъ, болѣе образованномъ, мы находимъ другой типъ—съ изогнутымъ носомъ, узкими глазами и тонкимъ ртомъ. Этотъ типъ въ сравненіи съ первымъ можетъ быть названъ культурнымъ и свидѣтельствуетъ о давнемъ вліяніи культурныхъ условій на жизнь народа. Этотъ, болѣе утонченный, культурный типъ, кромѣ Китая, мы можемъ найти только въ Японіи. Образованіе его вполнѣ естественно въ странѣ, гордящейся наиболѣе древней изъ всѣхъ существующихъ въ настоящее время культуръ. Она гордится ею не напрасно: каковы бы ни были корни ея, цвѣты и плоды ея въ самомъ Китаѣ несомнѣнно вполнѣ своеобразны. Если основы своей умственной и общественной жизни китайцы вынесли изъ своей первоначальной родины, то они, оставаясь долгое время въ плотно замкнутомъ кругу, сумѣли придать имъ такія формы, какихъ мы не встрѣчаемъ нигдѣ. Культура Китая вполнѣ характерна для восточной Азіи и подчинила своему вліянію всѣхъ азіатскихъ соплеменниковъ своего народа. Несмотря на многочисленныя потрясенія, какія испытывалъ Китай отъ нашествій безпокойныхъ

кочевыхъ сосѣдей, онъ восторжествовалъ надъ ними и, видимо подчинившись имъ, на самомъ дѣлѣ, покорилъ ихъ себѣ силою своей образованности. Оригинальное украшеніе китайца, его коса, которою онъ отличается отъ всѣхъ другихъ народовъ, есть знакъ подчиненія его манчжурамъ, но, кромѣ этого внѣшняго знака, онъ ни въ чемъ не подчиненъ имъ. Манчжуры только по имени управляютъ Китаемъ и ничѣмъ не могли измѣнить прочно сложившійся порядокъ жизни этого огромнаго организма. Кочевые народы сами по себѣ неспособны къ выработкѣ культуры: они живутъ только заимствованіями отъ осѣдлыхъ культурныхъ сосѣдей, и культурность монголовъ, насколько мы ее находимъ у нихъ, вся заимствована у китайцевъ. Китай распространялъ свою власть лишь культурными средствами: онъ высылалъ свои колоніи во внутреннюю Азію, и эти колонисты проводили тамъ дороги, строили мосты, основывали школы и заводили торговыя дѣла. Въ видѣ инженера, учителя и торговца, китаецъ проникъ въ самыя отдаленныя части внутренней Азіи, а въ качествѣ послѣдняго сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ и въ юговосточной, и въ южной Азіи. Тамъ онъ вездѣ предшествовалъ европейцамъ, которые, приходя вслѣдъ за ними, неизбѣжно являлись ихъ конкурентами. Надо замѣтить, впрочемъ, что пребываніе каждаго китайца въ

отдѣльности въ этихъ странахъ было только временнымъ: ему не разрѣшалось брать туда женъ и дѣтей, съ которыми онъ могъ переселяться лишь въ Монголію и Манчжурію. Въ Индокитаѣ и на островахъ Индійскаго океана онъ жилъ только для того, чтобы пріобрѣсти или увеличить средства къ жизни и затѣмъ вернуться на родину. Онъ охотно подчинялся этому закону, потому что любовь къ родинѣ заставляла его видѣть большое несчастье въ смерти на чужбинѣ.

Безпримѣрное многолюдство, среди котораго жилъ китаецъ, обостряя борьбу за существованіе, вырабатывало въ немъ свойства, соотвѣтствующія этимъ исключительнымъ условіямъ окружающей среды. У монгола уже кочевая жизнь, связанная съ передвиженіемъ и проявленіемъ энергіи въ совмѣстной защитѣ отъ враговъ, а часто и нападеніи на нихъ, вырабатываетъ строгую дисциплину и безусловное подчиненіе власти вождя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, кочевнику по преимуществу свойственна патріархальность: онъ чтитъ родителей, съ уваженіемъ относится къ памяти предковъ и живетъ многочисленной, дружной семьей. Всѣ эти свойства китайцы принесли съ собою въ свое новое отечество и еще болѣе развили ихъ, благодаря мирной земледѣльческой жизни. Безусловное подчиненіе богдыхану и почитаніе родителей составляютъ основу

у чужеземцевъ. Они искренно считали себя сильнѣе цѣлаго міра и соглашались признать превосходство другихъ націй только въ ихъ вооруженіи и военномъ дѣлѣ. Поэтому, даже и въ послѣднее время, когда, вслѣдствіе настойчивости англичанъ и французовъ, имъ пришлось допустить ихъ въ свои предѣлы, они недружелюбно встрѣчали европейскихъ промышленниковъ и торговцевъ и лишь старательно перенимали у европейцевъ ихъ военное искусство.

Такъ же, какъ европейцы проникаютъ въ чужія страны прежде всего съ цѣлями торговли, и китаецъ пролагалъ себѣ пути въ ближнія и дальнія страны Азіи по преимуществу въ качествѣ купца. Онъ обладаетъ большими, даже, можно сказать, исключительными способностями къ торговлѣ. Хотя во всѣхъ городахъ Востока общественная жизнь сосредоточивается на улицахъ, и торговля происходитъ на виду у прохожихъ, но ни одинъ изъ восточныхъ городовъ не можетъ сравниться въ этомъ отношеніи съ китайскимъ. Одинъ нѣмецкій путешественникъ слѣдующимъ образомъ описываетъ уличную жизнь китайскаго города (кантона): „Справа и слѣва тянутся лавки, не имѣющія ни дверей, ни оконъ; по стѣнамъ передъ входомъ развѣшаны длинныя доски, красныя, зеленыя, желтыя, черныя или бѣлыя, покрытыя лакомъ, съ огромными пестрыми китайскими письменами, замѣняющія вы-

вѣски и рекламы; внутренность торговыхъ помѣщеній, гдѣ купецъ сидитъ позади своихъ товаровъ около счетной доски, сверкаетъ разными красками и позолотой, и мимо него безпрерывно снуетъ толпа по каменнымъ плитамъ или кирпичной мостовой улицы. Это мельканіе и этотъ шумъ ослѣпляютъ и оглушаютъ непривычнаго человѣка. Нельзя видѣть ни одной пяди земли, на которой не было бы человѣка. Продавцы, глашатаи, дѣловые люди, ремесленники, солдаты, куліи (рабочіе) съ носилками, нищіе, дѣти, всадники тѣснятся и толкаютъ другъ друга въ самомъ пестромъ безпорядкѣ. Все это кричитъ, смѣется, издаетъ восклицанія, болтаетъ, производя такой гулъ, что всѣ другіе звуки—стукъ кузнечнаго молота, удары гонга, шлепанье по расколачиваемому мясу, дребезжанье посуды уличныхъ кухонъ и т. под.—сливаются въ одинъ неясный гулъ. И вся эта пестрая картина виднѣется въ сумеречной полутьмѣ, такъ какъ узкія улицы мало пропускаютъ свѣта. Всѣ классы общества, всѣ профессіи имѣютъ тамъ своихъ представителей, начиная отъ мандарина, съ сопровождающей его свитой и съ павлиньимъ перомъ, и кончая нищимъ-калѣкой; только женщинъ тамъ рѣдко приходится видѣть“. Подобное обиліе лавокъ свойственно не только большимъ, но и мелкимъ городамъ и деревнямъ. Многіе города походятъ на постоянные базары, и въ

каждомъ изъ нихъ есть улицы, исключительно занятыя лавками. Можно сказать съ увѣренностью, что нѣтъ ни одного бѣднаго китайца, который не мечталъ бы сдѣлаться торговцемъ; какъ только упорнымъ трудомъ и величайшею воздержностью ему удается скопить небольшую сумму, онъ накупаетъ различнаго мелкаго товара и начинаетъ заниматься разносной торговлей. Какъ мы уже сказали, китайцы выступаютъ энергичными торговцами и торговыми предпринимателями во всей юго-восточной Азіи—въ Сіамѣ, въ Бирмѣ, въ Аннамѣ, въ Тонкинѣ, на Зондскихъ островахъ и т. под. Присматриваясь къ промышленности этихъ странъ, мы приходимъ къ заключенію, что всѣ работаютъ тамъ на китайцевъ: малайцы собираютъ камфару, выкапываютъ золото и алмазы, вылавливаютъ жемчугъ, ловятъ трепанговъ и агаръ-агаръ, собираютъ мускатные орѣхи и гвоздику и отыскиваютъ на скалахъ съѣдобныя ласточкины гнѣзда, воздѣлываютъ перецъ и другія пряности, а китаецъ все это скупаетъ у нихъ и всѣмъ этимъ промысламъ придаетъ движеніе, благодаря своей образованности, предпріимчивости и сосредоточеннымъ въ его рукахъ капиталамъ. Онъ привозитъ туда и китайскіе, и нѣкоторые европейскіе товары, и въ его лавкахъ можно достать даже нѣкоторые предметы роскоши, которыхъ нельзя найти въ лавкахъ туземныхъ торговцевъ.

Китайцы, какъ денежные люди, въ то же время представляютъ собою и банкировъ этихъ мѣстъ, гдѣ они заводятъ торговыя дѣла. Нѣкоторыя провинціи Китая особенно славятся своими дѣльцами въ торговомъ мірѣ. Это имѣетъ значеніе въ томъ отношеніи, что земляки поддерживаютъ другъ друга всюду, гдѣ они встрѣчаются. Помощь соплеменниковъ, родственниковъ и представителей одинаковой торговой спеціальности повсюду облегчаетъ дѣятельность китайца, доставляетъ ему кредитъ и выручаетъ его изъ бѣды. Вмѣстѣ съ прирожденной способностью къ торговлѣ, скромностью потребностей и умѣньемъ заводить вездѣ торговыя связи, сплоченность, о которой мы говорили, даетъ китайцамъ большія преимущества передъ торговцами другихъ націй, состязающимися съ ними въ одной и той же мѣстности. Китайцы считаютъ не только свое отечество, но и югъ, и юго-востокъ Азіи какъ бы своей собственностью въ торговомъ отношеніи, и легко понять, что ко всѣмъ европейскимъ конкурентамъ на этомъ поприщѣ они должны относиться крайне недружелюбно.

Промышленность китайцевъ не соотвѣтствуетъ, однако, постоянно увеличивающемуся развитію ихъ торговли. Правда, они гораздо раньше насъ знали и компасъ, и книгопечатаніе, и порохъ, и фарфоръ, и шелковыя и бумажныя ткани, и знаютъ

нѣкоторые секреты фарфороваго и лаковаго производства, недоступные для европейцевъ; но надо замѣтить, что всѣ эти изобрѣтенія относятся къ давнему времени, что давно уже изобрѣтательность китайцевъ не даетъ ничего новаго, и самыя производства, прославившія китайцевъ, все болѣе и болѣе идутъ къ упадку. Такъ, многіе сорта фарфора, цѣнимые особенно высоко, болѣе уже не выдѣлываются: имъ пришлось уступить мѣсто менѣе тонкой и художественной посудѣ. И прежнія кованыя и литыя бронзовыя и мѣдныя издѣлія, отличавшіяся оригинальностью и изяществомъ работы, остаются только въ видѣ воспоминанія; нынѣшнія издѣлія стоятъ во многомъ ниже ихъ. Лишь изготовленіе бумаги, весьма своеобразной по своему качеству, остается, повидимому, на той же высотѣ, какъ и въ старое время. Въ этой отрасли промышленности китайцы также опередили европейцевъ и выдѣлывали бумагу уже во II вѣкѣ по Р. Х. Они употребляютъ на ея выдѣлку волокна пеньки и бамбука, молодые бамбуковые побѣги, кору бумажнаго и шелковичнаго дерева, морскія водоросли, рисовую и пшеничную солому и т. п. Нѣкоторые сорта бумаги выходятъ у нихъ настолько крѣпкими, что ихъ вставляютъ въ окна вмѣсто стеколъ и обтягиваютъ ими зонтики и вѣера. Книгопечатаніе съ деревянныхъ досокъ было придумано китайцами въ

VI вѣкѣ нашего лѣтосчисленія; въ концѣ X-го вѣка они печатали съ каменныхъ досокъ. Печатаніе подвижными буквами стало вводиться съ XI-го вѣка, но, въ виду множества знаковъ китайской грамоты, оно нашло обширное примѣненіе лишь въ XVII вѣкѣ, когда европейскіе миссіонеры научили китайцевъ дѣлать рѣзныя и мѣдныя буквы. Въ настоящее время въ Китаѣ все уже печатается подвижными буквами. Но писать китайцы продолжаютъ еще тушью и кисточкой, такъ какъ наши перья кажутся имъ неудобными для изображенія ихъ сложныхъ письменныхъ знаковъ. Искусство письма ихъ, дѣйствительно, граничитъ съ рисованіемъ, и не всякому дается въ равной мѣрѣ; поэтому овладѣвшіе этимъ искусствомъ, или каллиграфы, пользуются у нихъ особымъ почетомъ. Порохъ, давно уже изобрѣтенный ими, китайцы примѣняли больше для фейерверковъ, чѣмъ для военной цѣли. Они и теперь еще большіе любители фейерверковъ и даже вывозятъ ихъ въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Изъ отраслей промышленности, которыя стоятъ еще на прежней высотѣ, можно назвать эмалевыя и лакированныя издѣлія. Къ нимъ надо присоединить и мелкія издѣлія изъ слоновой кости, дерева, горнаго хрусталя, нефрита, золота и серебра. Японцы, многому научившіеся отъ китайцевъ, въ этихъ художественныхъ ремеслахъ до сихъ поръ

нѣкоторые секреты фарфороваго и лаковаго производства, недоступные для европейцевъ; но надо замѣтить, что всѣ эти изобрѣтенія относятся къ давнему времени, что давно уже изобрѣтательность китайцевъ не даетъ ничего новаго, и самыя производства, прославившія китайцевъ, все болѣе и болѣе идутъ къ упадку. Такъ, многіе сорта фарфора, цѣнимые особенно высоко, болѣе уже не выдѣлываются: имъ пришлось уступить мѣсто менѣе тонкой и художественной посудѣ. И прежнія кованыя и литыя бронзовыя и мѣдныя издѣлія, отличавшіяся оригинальностью и изяществомъ работы, остаются только въ видѣ воспоминанія; нынѣшнія издѣлія стоятъ во многомъ ниже ихъ. Лишь изготовленіе бумаги, весьма своеобразной по своему качеству, остается, повидимому, на той же высотѣ, какъ и въ старое время. Въ этой отрасли промышленности китайцы также опередили европейцевъ и выдѣлывали бумагу уже во II вѣкѣ по Р. Х. Они употребляютъ на ея выдѣлку волокна пеньки и бамбука, молодые бамбуковые побѣги, кору бумажнаго и шелковичнаго дерева, морскія водоросли, рисовую и пшеничную солому и т. п. Нѣкоторые сорта бумаги выходятъ у нихъ настолько крѣпкими, что ихъ вставляютъ въ окна вмѣсто стеколъ и обтягиваютъ ими зонтики и вѣера. Книгопечатаніе съ деревянныхъ досокъ было придумано китайцами въ

VI вѣкѣ нашего лѣтосчисленія; въ концѣ X-го вѣка они печатали съ каменныхъ досокъ. Печатаніе подвижными буквами стало вводиться съ XI-го вѣка, но, въ виду множества знаковъ китайской грамоты, оно нашло обширное примѣненіе лишь въ XVII вѣкѣ, когда европейскіе миссіонеры научили китайцевъ дѣлать рѣзныя и мѣдныя буквы. Въ настоящее время въ Китаѣ все уже печатается подвижными буквами. Но писать китайцы продолжаютъ еще тушью и кисточкой, такъ какъ наши перья кажутся имъ неудобными для изображенія ихъ сложныхъ письменныхъ знаковъ. Искусство письма ихъ, дѣйствительно, граничитъ съ рисованіемъ, и не всякому дается въ равной мѣрѣ; поэтому овладѣвшіе этимъ искусствомъ, или каллиграфы, пользуются у нихъ особымъ почетомъ. Порохъ, давно уже изобрѣтенный ими, китайцы примѣняли больше для фейерверковъ, чѣмъ для военной цѣли. Они и теперь еще большіе любители фейерверковъ и даже вывозятъ ихъ въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Изъ отраслей промышленности, которыя стоятъ еще на прежней высотѣ, можно назвать эмалевыя и лакированныя издѣлія. Къ нимъ надо присоединить и мелкія издѣлія изъ слоновой кости, дерева, горнаго хрусталя, нефрита, золота и серебра. Японцы, многому научившіеся отъ китайцевъ, въ этихъ художественныхъ ремеслахъ до сихъ поръ

еще не могли превзойти ихъ. Но они ушли гораздо дальше въ чистомъ, или настоящемъ, искусствѣ: японскіе рисовальщики стоятъ выше китайскихъ и по отношенію къ рисунку, и къ подбору красокъ, и къ живости изображенія. Очевидно, китайское искусство сдѣлало большой шагъ впередъ, заставивъ обратить на него вниманіе и европейскихъ любителей художества, только въ рукахъ японцевъ. Сами китайцы остановились на условныхъ, неподвижныхъ фигурахъ, изображаемыхъ ими безъ тѣней и перспективы.

V.

Оригинальность китайской промышленности заключается въ томъ, что она вся является произведеніемъ ручного труда. Обиліе и дешевизна рабочихъ рукъ ограничивали потребность въ машинахъ, и китайцы въ этомъ направленіи не сдѣлали почти ничего. Тамъ существуютъ только мельницы, маслобойки и насосы, поднимающіе воду изъ каналовъ для орошенія полей, въ видѣ простыхъ машинъ, на которыхъ работаютъ съ помощью быковъ или буйволовъ. Издѣлія китайской промышленности напоминаютъ намъ не столько наши фабричныя издѣлія, сколько работы нашихъ кустарей. Только большое терпѣніе и дешевизна времени и труда могутъ

создавать мелкія точеныя фигурки изъ кости или дерева и тщательно расписанныя лакированныя коробочки, какія въ Китаѣ выдѣлываются во множествѣ по самымъ низкимъ цѣнамъ. Вся промышленность Китая имѣетъ кустарный характеръ. Фабрики по образцу европейскихъ тамъ начинаютъ заводиться лишь въ послѣднее время. Въ теченіе всей своей исторіи, Китай вырабатывалъ издѣлія своей промышленности руками крестьянъ и горожанъ, которые производили эти работы у себя дома. Это было тѣмъ удобнѣе, что Китай, строго придерживаясь во всемъ освященной вѣками старины, не знаетъ моды ни въ одеждѣ, ни въ обстановкѣ своихъ жилищъ. Одеждой тамъ служитъ блуза, похожая на кофту, безъ пояса, и шаровары; то и другое шьется изъ темносиней бумажной матеріи. Эта матерія отчасти ввозится европейцами, но, пока еще не существовало этого ввоза, крестьяне въ Китаѣ пряли хлопокъ, ткали эту пряжу и окрашивали вытканную изъ нея матерію не только для себя, но и на продажу. Въ настоящее время англійскія фабричныя матеріи сбиваютъ цѣну съ китайскихъ издѣлій, и это, въ свою очередь, возбуждаетъ въ многочисленныхъ производителяхъ-китайцахъ самыя враждебныя отношенія къ европейцамъ, такъ какъ они отнимаютъ у нихъ хлѣбъ. Это отношеніе еще усиливается фабриками, которыя европейцы начи-

наютъ заводить въ самомъ Китаѣ. Если европейскіе рабочіе въ первое время введенія машинъ возставали противъ нихъ и разрушали ихъ, то легко судить о томъ негодованіи, какое они будутъ вызывать въ еще болѣе обездоленныхъ китайскихъ рабочихъ, по мѣрѣ увеличенія числа европейскихъ фабрикъ на ихъ почвѣ.

Промышленность въ Китаѣ распредѣлена не равномѣрно. Нѣкоторыя провинціи отличаются сосредоточеніемъ извѣстныхъ производствъ, какъ, напримѣръ, металлическаго, стекляннаго и фарфороваго. Шантунгская провинція снабжаетъ своимъ стекломъ весь Китай. Производство шерстяныхъ тканей и войлочныхъ издѣлій особенно развито вблизи границы Монголіи и Тибета, откуда доставляется для него сырой матеріалъ. Въ Шихіанѣ, на верхнемъ теченіи рѣки Ханъ, вырабатывается клей, распространяющійся по всему Китаю. Провинція Шантунгъ, кромѣ стекла, выдѣлываетъ еще такое множество корзинъ, что часть ихъ вывозится въ Сѣверную Америку. Въ настоящее время въ Шанхаѣ заведена китайцами большая бумагопрядильная и ткацкая фабрика, занимающая нѣсколько тысячъ рабочихъ.

Замѣчательно, что судоходство китайцевъ всегда стояло невысоко и вовсе не соотвѣтствовало ихъ промышленности и торговлѣ. Они всегда проводили

много каналовъ внутри страны, отчего болѣе развивалось судоходство рѣчное, чѣмъ морское. Суда ихъ, такъ называемыя джонки, хотя и достигаютъ довольно большихъ размѣровъ, но построены неуклюже и двигаются весьма медленно. Поэтому морское судоходство китайцевъ всегда было незначительнымъ, и европейцамъ не трудно было отбить всѣ грузы у китайскихъ морскихъ судовъ. Можно сказать, что изъ всѣхъ видовъ дѣятельности европейцевъ ихъ большіе грузовые пароходы встрѣчены были китайцами наиболѣе сочувственно. Китайскіе торговцы охотнѣе ввѣряли имъ свои товары, чѣмъ туземнымъ судамъ, такъ какъ перевозъ обходился дешевле и подвергался меньшимъ опасностямъ. Сознавая превосходство европейскихъ судовъ, китайцы начинаютъ строить и свои суда по европейскому образцу и подъ руководствомъ европейскихъ строителей.

Сухопутныя сообщенія Китая также никогда не отличались удобствами. Дороги, въ особенности въ гористыхъ мѣстахъ, приводятъ въ ужасъ европейскихъ путешественниковъ. Въ сѣверномъ Китаѣ ѣздятъ въ повозкахъ, запряженныхъ нѣсколькими мулами гусемъ, дѣлая въ нихъ не болѣе 60 верстъ въ день. Повозки эти нѣсколько напоминаютъ наши двухколесныя одноколки, но больше ихъ, съ полукруглымъ сидѣньемъ, обтянутымъ бумажной тканью;

наютъ заводить въ самомъ Китаѣ. Если европейскіе рабочіе въ первое время введенія машинъ возставали противъ нихъ и разрушали ихъ, то легко судить о томъ негодованіи, какое они будутъ вызывать въ еще болѣе обездоленныхъ китайскихъ рабочихъ, по мѣрѣ увеличенія числа европейскихъ фабрикъ на ихъ почвѣ.

Промышленность въ Китаѣ распредѣлена не равномѣрно. Нѣкоторыя провинціи отличаются сосредоточеніемъ извѣстныхъ производствъ, какъ, напримѣръ, металлическаго, стекляннаго и фарфороваго. Шантунгская провинція снабжаетъ своимъ стекломъ весь Китай. Производство шерстяныхъ тканей и войлочныхъ издѣлій особенно развито вблизи границы Монголіи и Тибета, откуда доставляется для него сырой матеріалъ. Въ Шихіанѣ, на верхнемъ теченіи рѣки Ханъ, вырабатывается клей, распространяющійся по всему Китаю. Провинція Шантунгъ, кромѣ стекла, выдѣлываетъ еще такое множество корзинъ, что часть ихъ вывозится въ Сѣверную Америку. Въ настоящее время въ Шанхаѣ заведена китайцами большая бумагопрядильная и ткацкая фабрика, занимающая нѣсколько тысячъ рабочихъ.

Замѣчательно, что судоходство китайцевъ всегда стояло невысоко и вовсе не соотвѣтствовало ихъ промышленности и торговлѣ. Они всегда проводили

много каналовъ внутри страны, отчего болѣе развивалось судоходство рѣчное, чѣмъ морское. Суда ихъ, такъ называемыя джонки, хотя и достигаютъ довольно большихъ размѣровъ, но построены неуклюже и двигаются весьма медленно. Поэтому морское судоходство китайцевъ всегда было незначительнымъ, и европейцамъ не трудно было отбить всѣ грузы у китайскихъ морскихъ судовъ. Можно сказать, что изъ всѣхъ видовъ дѣятельности европейцевъ ихъ большіе грузовые пароходы встрѣчены были китайцами наиболѣе сочувственно. Китайскіе торговцы охотнѣе ввѣряли имъ свои товары, чѣмъ туземнымъ судамъ, такъ какъ перевозъ обходился дешевле и подвергался меньшимъ опасностямъ. Сознавая превосходство европейскихъ судовъ, китайцы начинаютъ строить и свои суда по европейскому образцу и подъ руководствомъ европейскихъ строителей.

Сухопутныя сообщенія Китая также никогда не отличались удобствами. Дороги, въ особенности въ гористыхъ мѣстахъ, приводятъ въ ужасъ европейскихъ путешественниковъ. Въ сѣверномъ Китаѣ ѣздятъ въ повозкахъ, запряженныхъ нѣсколькими мулами гусемъ, дѣлая въ нихъ не болѣе 60 верстъ въ день. Повозки эти нѣсколько напоминаютъ наши двухколесныя одноколки, но больше ихъ, съ полукруглымъ сидѣньемъ, обтянутымъ бумажной тканью;

въ нихъ можно сидѣть только поджавши ноги, что̀, при продолжительности пути, безъ сомнѣнія, крайне неудобно. Тамъ ѣздятъ и въ ручныхъ телѣжкахъ, съ однимъ большимъ колесомъ, съ двумя сидѣньями и навѣсомъ изъ ткани. Онѣ двигаются двумя людьми, изъ которыхъ одинъ тянетъ спереди, а другой толкаетъ сзади; къ нимъ прикрѣпляется парусъ, облегчающій передвиженіе во время вѣтра. Такія телѣжки употребляются по преимуществу въ горныхъ мѣстностяхъ. Въ южныхъ китайскихъ городахъ, въ особенности въ Шанхаѣ, все болѣе и болѣе распространяются японскія „джинрикши"—ручныя телѣжки, въ родѣ тачки, для одного человѣка, подталкиваемыя сзади или влекомыя спереди.

Въ Китаѣ нѣтъ сословія рабочихъ въ нашемъ смыслѣ, т.-е. людей, занятыхъ исключительно работою на другихъ: работа въ городахъ и на фабрикахъ является скорѣе отхожимъ промысломъ, который привлекаетъ къ себѣ лишь избытокъ земледѣльческаго населенія. Основаніемъ народной жизни Китая, какъ мы уже говорили, остается земледѣліе, которое ведется на такихъ мелкихъ клочкахъ земли и съ такимъ стараніемъ, что его скорѣе можно назвать огородничествомъ. Только благодаря напряженной работѣ и обильному удобренію, цѣлая китайская семья, состоящая изъ пяти человѣкъ, можетъ прокормиться участкомъ земли въ одну деся-

тину. Владѣлецъ трехъ десятинъ считается уже зажиточнымъ человѣкомъ. При такихъ малыхъ хозяйствахъ земля по преимуществу обрабатывается руками, съ помощью мотыкъ и грабель; плуги и бороны можно найти лишь въ болѣе крупныхъ имѣньяхъ. Хлѣбъ вымолачивается цѣпами или вытаптывается рогатымъ скотомъ. Главныя работы начинаются въ мартѣ и оканчиваются въ ноябрѣ; но въ южномъ Китаѣ, благодаря теплому климату, можно сажать и сѣять цѣлый годъ, смѣняя хлѣбныя растенія стручковыми. Плодородіе своей земли китайцы усиливаютъ обильнымъ удобреніемъ, состоящимъ изъ навоза, отбросовъ, водяныхъ растеній и золы. Главнымъ продовольствіемъ южнаго и средняго Китая служитъ рисъ, котораго различаютъ тамъ три сорта—красный, мелкій и крупный. На сѣверѣ воздѣлываютъ пшеницу, ячмень и просо и, кромѣ того, картофель, виноградную лозу, хлопчатникъ, ревень, индиго, пеньку, ленъ и т. под. Табакъ каждый хозяинъ воздѣлываетъ самъ, и изъ сѣверныхъ провинцій избытокъ его вывозится въ большомъ количествѣ. Чайный кустъ разводится по преимуществу въ маленькихъ насажденіяхъ, по большей части, въ холмистыхъ мѣстностяхъ, съ малоплодородной и песчаной почвой. До 70-хъ годовъ Китай снабжалъ чаемъ весь міръ, но съ этого времени его стали разводить съ большимъ успѣхомъ

въ Японіи, въ Индіи и на Цейлонѣ. Въ Китаѣ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ разводится и много маку, для выдѣлки опіума. Изъ плодовъ тамъ разводятся въ большихъ количествахъ сливы, померанцы, ананасы, кокосовые орѣхи, бананы и пр., т.-е. всѣ главные плоды теплаго климата. Въ громадномъ множествѣ тамъ разводятся овощи и клубневыя растенія. Садоводство китайцевъ, хотя и нѣсколько вычурное на нашъ взглядъ, такъ какъ они любятъ подстриженныя деревья, бесѣдки, большіе щиты съ круглыми отверстіями и т. под., производится съ большимъ тщаніемъ и знаніемъ дѣла. Но лѣсоводство и луговодство въ нашемъ смыслѣ имъ совершенно чужды; отсутствіе послѣдняго объясняется незначительностью скотоводства, что̀ въ особенности можно сказать о разведеніи рогатаго скота, имѣющаго мало цѣны въ глазахъ китайцевъ, такъ какъ они не пьютъ молока. Большее значеніе въ глазахъ китайцевъ имѣетъ свинья, мясо которой находитъ у нихъ обширное потребленіе. Китайская порода лошадей невелика и некрасива, но крѣпка и вынослива; она разводится по преимуществу для войскъ и для почтовой гоньбы. Съ цѣлью перевозки тамъ разводятъ такжеословъ и муловъ и малорослыхъ смирныхъ буйволовъ. Въ китайскомъ хозяйствѣ большую роль играютъ павлины и куры, а также золотые и серебряные фазаны, разводимые въ огром-

ныхъ количествахъ. Шелководство китайцевъ до сихъ поръ стоитъ на высокомъ уровнѣ, что въ особенности можно сказать о среднихъ провинціяхъ, доставляющихъ лучшіе сорта шелку. Видную часть своего продовольствія китайцы извлекаютъ изъ морской и прѣсной воды, вылавливая оттуда рыбу, моллюсковъ и водоросли. Китайцамъ съ давнихъ временъ знакомо и искусственное разведеніе рыбы.

Кромѣ этого наземнаго изобилія, Китай обладаетъ и громадными подземными богатствами. Мы уже говорили о золотоносныхъ пескахъ Янгтсекіанга, и такіе же пески, съ еще большимъ содержаніемъ золота, встрѣчаются въ нѣкоторыхъ рѣкахъ Юннана. Золото попадается и въ другихъ мѣстахъ—въ Шенси, въ Куэйчоу, въ Шантунгѣ и пр. Серебро попадается въ соединеніи съ свинцомъ и въ чистомъ видѣ, въ особенности въ Юннанѣ, гдѣ ежегодно добывается его болѣе, чѣмъ на 15 мил. рублей. Въ Китаѣ находятъ золото, содержащее серебро, которое по чистотѣ и тонкости не имѣетъ равнаго себѣ въ мірѣ. Въ Юннанѣ и въ Куэйчоу добываютъ въ значительныхъ количествахъ мѣдь, а также никкель. Желѣзо встрѣчается почти повсюду, но разработка его еще недостаточна, и значительная часть его ввозится изъ Европы и Америки. Южный Юннанъ доставляетъ и драгоцѣнные камни — рубины, аметисты, сапфиры, топазы, гранаты, опалы

и пр.; въ Шенси находятъ высокоцѣнимый ядеитъ (камень ю), въ Печили—сердоликъ, въ Фукіанѣ—горный хрусталь и лазоревый камень, въ гранитныхъ горахъ Чикіанга—порфиръ и яшму. Фарфоровая глина добывается въ Кіангси, въ Хонанѣ, въ Чикіангѣ и пр. Въ большихъ количествахъ тамъ встрѣчается сѣра и графитъ. Но Китай особенно богатъ каменнымъ углемъ: площадь его каменноугольныхъ залежей исчисляется почти въ 500000 кв. километровъ. Въ провинціи Шанси площадь въ 88000 кв. км. содержитъ угольные слои, болѣе чѣмъ въ 13 метр. толщиною, представляющеи запасъ въ 630000 мил. тоннъ превосходнаго антрацита и асфальтоваго угля. Близъ Лофинга желѣзная руда и антрацитъ находятся въ непосредственномъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ. Провинціи Печили и Шанси, а также островъ Формоза и западныя горы обладаютъ почти невѣроятными каменноугольными богатствами. Соль добывается отчасти изъ морской воды, а отчасти изъ глубокихъ колодцевъ и соляныхъ озеръ. Добываніе и продажа соли составляютъ правительственную монополію и даютъ около 25 мил. рублей ежегоднаго дохода. Въ Китаѣ находятъ и гранитъ, и превосходный мраморъ. И горячіе ключи во множествѣ попадаются въ Шенси и Сечуанѣ, а въ послѣдней изъ названныхъ провинцій можно видѣть и огненные колодцы, указывающіе на присутствіе нефти.

VI.

Несмотря на такія богатства родной страны, заставляющія китайцевъ относиться подозрительно ко всѣмъ иностранцамъ, стремящимся воспользоваться ими, сами они не умѣютъ разрабатывать ихъ въ достаточной мѣрѣ и съ полною пользою для себя. Причина этого явленія заключается отчасти въ томъ, что китайцы склонны болѣе къ мелкой, чѣмъ къ крупной, фабричной промышленности, а также и въ ихъ технической отсталости. Мы уже говорили, что и собственная промышленность Китая не идетъ впередъ, а нѣкоторыя отрасли ея даже видимо приходятъ въ упадокъ. Признаки упадка китайской промышлености мы видимъ наглядно въ уменьшеніи сѣти ихъ каналовъ, служащихъ для внутренняго сообщенія: эти каналы не исправляются, и нѣкоторые изъ нихъ уже высохли и служатъ для хлѣбныхъ посѣвовъ.

Застой, сказывающійся и въ культурѣ, и въ общественномъ бытѣ Китая, ощущается въ большей и большей мѣрѣ во всѣхъ отрасляхъ жизни этой громадной страны. Твердо установленный порядокъ семейной и государственной жизни, боязнь перемѣнъ и проистекавшій отсюда страхъ передъ сношеніями съ чужеземцами были своего рода чувствомъ самосохраненія безпримѣрно многолюднаго государства.

Китайцы—народъ, несомнѣнно, надѣленный глубокимъ государственнымъ смысломъ, яснымъ сознаніемъ что для такого обширнаго организма, какъ Китай, прежде всего необходимъ строгій и незыблемый порядокъ, неизмѣнно поддерживаемый въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ. На этомъ сознаніи зиждутся и религіозныя воззрѣнія, и семейный, и государственный бытъ этого народа. Государственную религію Китая представляетъ ученіе Конфуція, которую скорѣе можно назвать собраніемъ мудрыхъ правилъ, чѣмъ религіей, опредѣляющей отношеніе человѣка къ Богу. Въ Китаѣ было нѣсколько такихъ проповѣдниковъ нравственности, но ученіе Конфуція всего болѣе пришлось по душѣ китайцамъ, такъ какъ заключало въ себѣ понятія, раздѣлявшіяся всѣми китайцами. Конфуцій училъ, что главнымъ побужденіемъ къ добродѣтели должны быть не награда или наказаніе въ будущей жизни, но благосостояніе въ настоящей. Вся система его изложена въ видѣ изреченій, въ родѣ слѣдующихъ: „Друга можно лишь съ трудомъ пріобрѣсти въ одинъ годъ, но можно потерять въ одно мгновеніе; когда все благополучно, помните объ опасности, и въ мирѣ не забывайте о войнѣ; у чадолюбивыхъ отцовъ бываютъ почтительныя дѣти и наоборотъ; не дѣлайте того, чего вы не учились дѣлать; кройте крышу до дождя, ройте колодецъ до жажды; успѣхъ игрока есть его

погибель; если вы останавливаете руку, закрывайте и ротъ (кто не работаетъ, тотъ долженъ голодать) и т. п.

Ученіе Конфуція твердо устанавливаетъ взаимныя отношенія родителей и дѣтей, и государя, и подданныхъ. Семейное начало въ Китаѣ тѣмъ болѣе прочно, что въ основѣ его лежитъ религіозное почитаніе предковъ. Китаецъ вѣритъ, что если онъ будетъ приносить жертвы своимъ предкамъ, то и они будутъ ходатайствовать за него передъ божествами о ниспосланіи ему всевозможныхъ выгодъ и успѣховъ. Согласно тому, что̀ замѣчается въ земныхъ привязанностяхъ, предполагается, что предокъ всего скорѣе исполнитъ просьбу своихъ прямыхъ потомковъ—сыновей или внуковъ, молитвы которыхъ, въ свою очередь, могутъ быть полезны душѣ предка въ загробномъ мірѣ. Въ силу этихъ вѣрованій, каждый китаецъ старается завести семью и радуется, когда у него рождается много дѣтей. Дѣти обязаны ему полнымъ повиновеніемъ, должны помогать ему во всѣхъ работахъ и заботиться о немъ въ старости. Китайская семья представляетъ обыкновенно дружное сообщество, поддерживающее свое существованіе общими силами, что̀, конечно, имѣетъ важное экономическое значеніе. Съ своей стороны, родители обязаны заботиться объ образованіи своего мужского потомства. На шестомъ году жизни мал

чика, по указанію астролога, назначается день начала ученія. Сперва жгуть свѣчи и фольговую бумагу передъ алтаремъ Конфуція, и затѣмъ ученикъ начинаетъ свои упражненія въ чтеніи по элементарному учебнику, за которымъ слѣдуетъ чтеніе „Четырехъ Книгъ“ (избранныхъ мѣстъ изъ сочиненій Конфуція—„Великаго ученія“, „Золотой Середины“ и „Изреченій Менгтсе“) и „Пяти Классиковъ“ („Книги измѣненій“, „Книги исторій“, „Ежегодниковъ весны и осени“, „Книги пѣсенъ“ и „Книги обычаевъ“). Всѣ китайскіе ученики учатся въ томъ же порядкѣ и по тому же методу, такъ какъ въ такомъ изученіи полагается основа классическаго образованія, остающагося неизмѣннымъ въ теченіе вѣковъ. Если ученикъ, прошедшій эти курсы, желаетъ вступить на государственную службу, то онъ долженъ подвергнуться первому испытанію, которое производится въ опредѣленное время во всѣхъ главныхъ городахъ округа и заключается въ томъ, что экзаменующіеся пишутъ сочиненія въ прозѣ и стихахъ на классическія темы. Въ слѣдующемъ, высшемъ испытаніи, требуется, кромѣ того, знакомство съ эдиктами Кангхи и комментаріями Юнгчинга. Оно даетъ степень, соотвѣтствующую нашей докторской степени. Существуютъ и еще два испытанія на высшія государственныя должности, въ которыхъ кандидаты пишутъ на заданныя темы въ заключе-

ніе, гдѣ ихъ снабжаютъ пищею, книгами и письменными принадлежностями.

Предоставленіе государственныхъ должностей лицамъ съ высшимъ образованіемъ, независимо отъ ихъ происхожденія, придаетъ всему государственному строю Китая демократическій характеръ и для каждаго открываетъ дорогу къ высшимъ ступенямъ общественной лѣстницы. Тѣмъ не менѣе, несмотря на здравыя начала, лежащія въ основѣ государственнаго механизма Китая, нельзя сказать, чтобы этотъ механизмъ не страдалъ многими недостатками. Недостатки эти въ особенности отражаются въ финансовой системѣ, въ войскѣ и въ путяхъ сообщенія. Основной идеей государственнаго строя Китая является идея патріархальнаго деспотизма. Подобно тому, какъ глава семьи управляетъ своими дѣтьми, не отдавая въ томъ никому отчета, и богдыханъ отечески правитъ своими подданными, обязанными повиноваться и служить ему. Въ дѣйствительности, однако, Китаемъ управляетъ корпорація ученыхъ бюрократовъ, подъ надзоромъ вліятельныхъ намѣстниковъ и вице-королей. Сила каждаго изъ этихъ чиновниковъ зависитъ отъ его личныхъ отношеній и связей, и, вслѣдствіе того, каждая провинція представляетъ сходство съ средне-азіатскими ханствами, значеніе которыхъ зависитъ отъ личности правителя. И вліяніе богдыхана, несмотря

на огромную власть, сосредоточенную въ его рукахъ, зависитъ отъ его личныхъ качествъ, достигая значенія, ощутительнаго во всей странѣ, только въ томъ случаѣ, когда власть находится въ рукахъ человѣка съ обширнымъ умомъ и сильной волей. Главною обязанностью богдыхана считается поддержаніе старинныхъ обычаевъ, которые считаются символомъ крѣпости государства. Богдыхану помогаетъ въ управленіи государственный совѣтъ, пять членовъ котораго ежедневно занимаются дѣлами въ присутствіи императора. Императоръ рѣдко показывается публично; исключеніе изъ этого правила дѣлается, между прочимъ, при пріемѣ кандидатовъ въ мандарины. Государственныя дѣла сосредоточиваются въ центральныхъ управленіяхъ, соотвѣтствующихъ нашимъ министерствамъ; изъ нихъ теперь всего чаще приходится слышать о министерствѣ иностранныхъ дѣлъ (Тсунгли-яменѣ).

Главными язвами китайской государственной системы являются подкупъ и взяточничество. Естественною причиной послѣдняго можно назвать недостаточное и неаккуратно выплачиваемое жалованье чиновниковъ. Вице-короли и ихъ подчиненные одинаково пополняютъ эти недочеты незаконными поборами съ народа и съ низшихъ служащихъ. Народъ терпѣливо относится къ вымогательствамъ чиновниковъ, но въ немъ всегда есть недо-

вольные элементы, которые отъ времени до времени берутъ верхъ и производятъ открытое возмущеніе, охватывающее болѣе или менѣе обширныя пространства. Поэтому исторія Китая полна столь частыми ниспроверженіями династій, дворцовыми революціями и народными возстаніями. Кромѣ того, въ Китаѣ не переводятся тайныя общества, имѣющія цѣлью ограничивать своей дѣятельностью административный произволъ или даже давать этой дѣятельности извѣстное направленіе. Многаго оставляетъ желать и китайское судопроизводство, крайне устарѣлое по своимъ формамъ, по суровости обращенія съ подсудимыми и по жестокости казней. Такимъ образомъ, крѣпкое съ виду, выдержавшее столь много вѣковъ зданіе китайскаго государства имѣетъ не мало трещинъ, которыя безъ какихъ-либо коренныхъ реформъ могутъ только увеличиваться и угрожать его дальнѣйшему существованію. Въ самомъ Китаѣ есть партія реформъ, сознающая необходимость освѣжить одряхлѣвшій государственный механизмъ; но пока еще она встрѣчаетъ сильное сопротивленіе со стороны приверженцевъ старины, вѣрящихъ въ совершенство китайской культуры и китайскаго общественнаго строя. Безпристрастное сужденіе о той и о другомъ заставляетъ высказать, что имъ одинаково недостаетъ глубины и правиль-

5

наго метода. Китайская культура представляетъ собою не поступательное движеніе впередъ, а движеніе по кругу. Какъ выражаѐтся одинъ нѣмецкій ученый, китайцы сдѣлали безчисленное множество изобрѣтеній, но не высказали нигдѣ глубокаго взгляда на связь и ближайшія причины явленій. Ихъ ученыя книги не перестаютъ повторять басни, которыя въ европейской литературѣ могли имѣть мѣсто лишь среди глубокаго невѣжества среднихъ вѣковъ. Такъ, напримѣръ, они серьезно разсказываютъ, что осенью перепела превращаются въ кротовъ, а весною опять становятся птицами; точно такъ же многія мелкія птицы осенью превращаются въ раковъ, а фазаны— въ раковины. Они вѣрятъ, что горный хрусталь образовался изо льда, пролежавшаго въ землѣ тысячу лѣтъ. Научное невѣжество ихъ особенно ясно выражается въ медицинѣ. У нихъ существуетъ классическое сочиненіе по медицинѣ, приписываемое одному изъ императоровъ, жившему 4000 лѣтъ тому назадъ, и они находятъ возможнымъ довольствоваться свѣдѣніями этого древняго ученаго. Они не имѣютъ никакого понятія объ анатоміи, даже о положеніи главнѣйшихъ органовъ нашего тѣла, хотя религіозныя убѣжденія ихъ не могли бы препятствовать занятіямъ анатоміей. Та же приверженность къ устарѣлымъ взглядамъ, та же неспособность

проникать въ сущность явленій заставляютъ ихъ переносить терпѣливо всѣ несовершенства ихъ государственнаго строя.

Хотя китайцы вполнѣ довольны своей культурой и искренно считаютъ ее выше европейской, но, очевидно, для нихъ наступаетъ критическое время, когда имъ такъ или иначе придется считаться съ культурой варваровъ, какъ они называютъ европейцевъ. Оградить себя отъ нихъ, замкнуться попрежнему они уже не въ силахъ, такъ какъ имъ, при несовершенствѣ ихъ военной организаціи, не справиться съ соединенными силами бѣлыхъ людей. Правда, они не отказываются признать ихъ превосходство въ военномъ дѣлѣ и перенимаютъ техническія стороны его, въ видѣ изготовленія оружія и снарядовъ, какъ мы это видѣли въ послѣдней войнѣ, но имъ не хотѣлось бы давать европейцамъ еще больше доступа въ свою страну, и они далеко еще не убѣждены въ преимуществахъ европейской науки передъ своею. Между тѣмъ, едва ли можно утверждать, что ихъ наука, стоящая на уровнѣ нашихъ средневѣковыхъ знаній, съ вѣрою въ астрологію, заклинанія, гаданія, симпатическія средства и т. под., способна къ самостоятельному развитію. Все говоритъ за то, что научное развитіе Китая можетъ завершиться лишь съ помощью западной науки. Но

окажутся ли они способными воспринять ее и занять равноправное мѣсто среди культурныхъ государствъ— покажетъ будущее, и отъ этого главнымъ образомъ зависитъ рѣшеніе „желтаго вопроса“, т.-е. вопроса о дальнѣйшихъ отношеніяхъ между бѣлой и желтой расой.